

ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 6
2023

Донецк
2023

УДК 340/.349"364":32/.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

**ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 6, 2023**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – канд. истор. наук, доц. Е.В. Щербина

Зам. главного редактора – канд. юрид. наук Е.Ю. Краснонос

Ответственный секретарь – Ю.С. Степанова

Члены редколлегии: канд. истор. наук, доцент И.И. Лещенко; канд. юрид. наук Е.А. Матвиенко; канд. истор. наук, доцент Р.Н. Морозов; канд. юрид. наук М.П. Тишаков

Ответственность за содержание публикации, достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий и прочих сведений несут авторы.

*Научный журнал. Выходит один раз в год.
Рекомендовано к печати протоколом заседания кафедры
теории и истории юридического факультета ФГБОУ ВО «ДонГУ»
№ 17 от 29.06.2023 г.*

Адрес редакции: к. 225, пр. Ватутина, 1а, г. Донецк, 283050, РФ

Телефон: 38 (062) 302–09–64

e-mail: yu.stepanova.donnu.jur@mail.ru

kf.tigp.donnu.jur@mail.ru

kf.tigp@donnu.ru

УДК 3401.349" 364":321.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

© Коллектив авторов, 2023

Зарегистрирован в РИНЦ (Лицензионный договор № 28–01/2018 от 26.01.2018 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	4
Батукова М.А. ПРАВОСОЗНАНИЕ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОСТИ.....	11
Виндилович Е.А. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОРИЗМ» И «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ».....	18
Герасименко Ю.В., Дукова А.Д. КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	25
Матвиенко Е.А., Ищенко Т.В. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	42
Мельниченко Ю.С., Веселова Я.Е. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	49
Мельниченко Ю.С., Голубь И.К. ЕДИНСТВО ФИЛОСОФИИ И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	56
Миргородский А.А., Петриченко В.А., Свибильская А.Г. ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ И АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ.....	61
Митько Н.В. ПРОБЛЕМАТИКА ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ КАК НЕТИПИЧНОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ.....	65
Свиридова К.Е., Чебанов К.А. ДИАЛЕКТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	71
Степанова Ю.С., Каленюк И.А. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	77
Степанова Ю.С., Полищкова В.Д. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ СУБЪЕКТОВ ПРАВА	81
Степанова Ю.С., Шерешкова К.В. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВ ВОЙНЫ.....	87
Хобби Ю.С., Губская Е.В. ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ВИДЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	96
Хоруженко К.А., Аврамова Е.Д. К ВОПРОСУ ОБ УЖЕСТОЧЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	107
Чепикова В.А., Гуза Д.А. К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЯХ КАК РЕГУЛЯТОРАХ ПРАВООТНОШЕНИЙ....	113
Шкиндер В.Т., Литашова Д.В. ОРГАНЫ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	118
Шкиндер В.Т., Микайлов П.Р.	

УДК 340.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Батукова Маргарита Александровна
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: lady.batukova@inbox.ru

***Аннотация.** В данной статье проведён анализ особенностей формирования нравственно-правового воспитания в системе высшего профессионального образования, в условиях происходящих вооруженных конфликтов. Автором представлены различные подходы к совершенствованию правового воспитания, выявлены основные детерминанты его формирования.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание, высшее профессиональное образование, гуманизация, нравственно-правовое воспитание в условиях вооруженных конфликтов.*

Постановка проблемы. На сегодняшний день, современный этап развития образования характеризуется возрастанием роли его гуманистической и культурно-созидательной миссии. В концепции его гуманизации определены основные направления развития образования. Доля гуманитарных знаний в подготовке специалиста увеличивается и возрастает значимость его личностных качеств. Как правило, образование преследует цель обеспечения прав человека и государства, внедрение общечеловеческих ценностей, уважение к правам и взглядам других людей. Перед формированием личности как сознательно активного субъекта всей социальной деятельности стоит задача проявить интерес к правовой культуре личности как одной из важнейших характеристик развития общества.

Вопросы, связанные с юридическим образованием, в последнее время привлекают все больше внимания со стороны общества и государства, что, в свою очередь, влияет на систему образования, как главного исполнителя государственного заказа. В условиях глобализации военных угроз меняются и

цели юридического образования, что обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

В современной науке сущность юридического образования рассматривается исходя из различных концепций. С одной стороны, это проблема общенационального масштаба, с другой стороны, это одна из потребностей человека, живущего в государстве, строящего это правовое государство и гражданское общество. Результатом правового воспитания является сформированное правосознание, что является основой правовой культуры общества, социальных групп и отдельных лиц. В контексте совершенствования образования правовая просветительская деятельность должна основываться на государственной доктрине правового воспитания личности, которая, опираясь на традиции и общечеловеческие ценности, выступает стабилизатором общества, обеспечение создания целостной системы формирования правового сознания [4, с. 99].

Данная проблема также вызвана криминализацией общественных отношений, обусловленных вооруженным конфликтом, а именно: ростом детской преступности, правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, увеличением масштабов терроризма, спровоцированных подрывной политикой противоборствующей стороной военного конфликта, проявлениями агрессии в социальной среде, негативным влиянием на образовательные процессы средств массовой информации, особенно Интернета в условиях недостаточной цензуры информации со стороны злонамеренных лиц, и т.д. Исходя из вышеизложенного, процесс правового воспитания в системе непрерывного образования приобретает особое значение. Следует обратить внимание на позицию З.З. Гумеровой, которая утверждает, что право следует рассматривать как меру свободы, а закон - как порядок власти в качестве детерминанта правового образования [3, с. 172]. Автор рассматривает понимание правового воспитания как диалектического процесса формирования и закрепления совокупности ценностей правового

сознания, которое задает направление поведению субъекта в социуме [3, с. 172], что означает идеологическое воздействие на сознание личности.

Но именно диалектическое понимание процесса правового воспитания дает возможность воздействовать на сознание личности с двух сторон. С одной стороны, понимая под законом порядок действующей власти, в поведении воспитанника устанавливается строгий детерминизм, он пассивно воспринимает внешние воздействия на него. С другой стороны, юридическое образование, которое определяется идеей права как меры свободы, высвобождает у индивида внутреннюю энергию, его внутреннюю активность, тем самым побуждая его к развитию и совершенствованию в правовом плане

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Как показывает анализ психолого-педагогической, юридической и философской литературы, на данный момент проблемам формирования правовой культуры и юридического образования в российской науке уделяется значительное внимание. Большинство научных работ, особенно исследования ученых-юристов, берут за основу изучение роли государственных институтов в правовом образовании, которые осуществляли его в основном в форме пропаганды.

Целью данного исследования выступает юрико-педагогический анализ особенностей формирования нравственно-правового воспитания в системе высшего профессионального образования, в условиях вооруженных конфликтов.

Основные результаты исследования. В учебной литературе под правовым воспитанием понимается «... целенаправленная деятельность по трансляции правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другим» [4, с. 96]. Но это не единственный взгляд на сущность и основную цель юридического образования. 3.3. Гумерова определяет юридическое образование как «правовое воспитание есть разновидность идеологического воздействия на сознание» [3, с. 172].

Изучив представленные за последнее десятилетие разработки по исследуемым вопросам, необходимо выделить теоретические положения, которые, по нашему мнению, стоит учитывать при формировании правосознания студентов:

- основная идея - гуманизация юридического образования;
- в практике юридического образования необходимо учитывать задачу преодоления широко распространенного в обществе правового нигилизма;
- юридическое образование в университете следует рассматривать как продолжение процесса юридического образования в школе, который предполагает преемственность и носит непрерывный характер;
- в процессе формирования правовой культуры личности нравственное воспитание приобретает особое значение и оказывает наибольшее влияние;
- проблема соблюдения прав других лиц недостаточно отражена в научной и публицистической литературе. Этот пробел, на наш взгляд, следует восполнить в ходе правовой просветительской работы, учитывая специфику складывающихся общественных отношений в период вооруженных столкновений государств;
- потенциал институтов гражданского общества еще недостаточно изучен и реализован, поэтому в процессе юридического образования особое внимание следует уделять проблемам верховенства права и гражданского общества;
- с вопросом о гражданском обществе и верховенстве закона тесно связан вопрос о правах человека, которому также следует уделить особое внимание;
- новые направления в юридическом образовании не должны ограничиваться юридическими дисциплинами. Для формирования правовой культуры посредством образования необходимо отражать правовые проблемы

в преподавании других социальных и гуманитарных дисциплин, среди которых философия играет особую роль;

- необходимым компонентом правовой воспитательной работы в высших учебных заведениях, дополняющим и закрепляющим процесс приобретения специальных знаний и умений непосредственно в ходе образовательного процесса, являются специфические формы деятельности, организуемые общественными организациями и администрацией вуза;

- необходимо учитывать национально-региональный компонент при организации правовой просветительской работы;

- для успешного осуществления правовой просветительской работы необходимо, разобравшись в критериях оценки ее эффективности, систематически проверять результаты этой работы с целью корректировки и совершенствования ее форм.

Основываясь на анализе научной литературы, была сформулирована цель юридического образования в системе высшего профессионального образования, которую можно определить как «формирование социально активной, внутренне свободной личности, специалиста с высоким уровнем и качеством правосознания, уважающего права других людей, обладающего профессиональными правовыми взглядами». В то же время следует исходить из позиции, что при формировании целей и задач правового воспитания следует говорить не столько об укреплении законности, обеспечении правомерного поведения и, особенно борьбе с правонарушениями, как это представлено в юридической литературе, сколько о формировании социально активного, внутренне свободной личности.

Значимую часть в формировании правового воспитания подрастающего поколения, особенно в период вооруженных конфликтов, составляет правовое образование в системе непрерывного образования, в частности в системе среднего профессионального образования, которое для многих юношей и девушек является переходным звеном между школой и университетом или учебным заведением и самостоятельной трудовой жизнью.

Аксиологический подход помогает в понимании феномена правового воспитания, которое предполагает формирование ценностно-смысловой системы правосознания, включающей в себя не только когнитивный, но и мотивационно-волевой и эмоциональный компоненты [2]. Действительно, знать законы и правовые нормы недостаточно, однако их все равно нужно соблюдать, а для того, чтобы соблюдать, их нужно осознать через свои личные установки и эмоции, чтобы они превратились в личные убеждения. Если правовое образование связано с когнитивной сферой, то правовое образование связано с формированием жизненных и правовых ценностей в сфере общественной жизни (экономической, политической и т.д.) [1]. Основной целью правового воспитания является формирование нравственных и правовых ценностей личности, борьба с преступностью, профилактика различного рода отклонений, правового нигилизма среди молодежи, создания чувства уважения к праву в условиях обострения военно-политической обстановки в государстве.

Система образования на всех уровнях является основой этого процесса. Стоит отметить, что на уровне общего образования правовое просвещение приносит наиболее благоприятные результаты из-за высокой восприимчивости школьников, в профессиональных образовательных организациях этот процесс усложняется в связи с тем, что у учащихся в возрасте 16-18 лет уже сформированы определенные взгляды на жизнь, мир, явления окружающего мира, с учётом специфики происходящих событий. В связи с этим, методика воспитания студентов имеет свои особенности, и основное внимание уделяется формированию и укреплению активной гражданской позиции, осведомленного отношения к правовым явлениям.

Особенно эффективными методами обучения в учебных заведениях среднего профессионального уровня, таких как колледжи и техникумы, являются образовательные и внеклассные мероприятия, проводимые в интерактивной форме, включая коллоквиумы, круглые столы, деловые игры, квесты, кабинеты для юридических консультаций и другие подобные

мероприятия. Важное место занимает изучение законодательства, используя многочисленные примеры реальных нарушений закона с последующими негативными последствиями. Такое обучение способствует развитию навыков ориентирования в постоянно меняющейся обстановке, умения находить решения в рамках правового поля и получать нестандартные решения для юридических и других сложных ситуаций.

Юридическое образование напрямую связано с формированием у студентов правового мышления, которое в будущем может сыграть решающую роль по отношению к юридически важным моментам в жизни общества и государства. Юридическое образование имеет свои особенности на различных этапах развития личности учащегося, поэтому для преподавателей (как общего, так и профессионального образования) и студентов профессионально-педагогических вузов овладение различными методами, приемами, формами и технологиями учебной деятельности остается важнейшим условием обучения.

Выводы. При рассмотрении вопроса об особенностях формирования правосознания и правовой культуры личности в современном обществе, наибольшее значение должно отводиться, по-нашему мнению, правовому образованию и воспитанию. В то же время, необходимо принимать во внимание социальные потребности конкретного общества и государства в определенный исторический период, а также особенностей военно-политической обстановки государства. В процессе юридического образования особое внимание следует уделять методике преподавания юридических дисциплин, учебных и внеклассных мероприятий. Формирование правосознания должно строиться на основе правовых знаний и должно быть осознанным на эмоциональном уровне, то есть понимание правовых явлений должно осуществляться на эмоциональном уровне. Только комплексный подход к юридическому образованию может принести желаемый эффект, и мы будем иметь дело с законопослушным, но в то же время активным человеком с четко выраженной гражданской позицией.

Список источников

1. Гаврилова, Ю. А. Аксиологическая конкретизация права: постановка проблемы / Ю. А. Гаврилова. Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2. – С. 54–59.
2. Гуляихин, В. Н. Правовое воспитание человека как процесс формирования ценностно-смыслового компонента правосознания / В. Н. Гуляихин. Текст : непосредственный // Юридические исследования. 2014. № 8. – С. 60–79.
3. Гумерова, З. З. Идея права как детерминанта правового воспитания / З. З. Гумерова. Текст : непосредственный // Вестник КГУ. 2016. № 6. – С. 172–174.
4. Колотов, А. Ф. Методика преподавания права: учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению 030900 «Юриспруденция» / А. Ф. Колотов, И. В. Скуратов. Оренбург: Университет, 2014. – 288 с.

УДК 316.483:341.231.12

ПРАВОСОЗНАНИЕ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОСТИ

Виндилович Елена Александровна

ассистент, аспирант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: help.dean.f@donnu.ru

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности феномена правосознания семьи, как сложного структурного образования в контексте трансформации идеологических представлений современного общества. Изучены точки зрения различных научных деятелей относительно сущностной природы правосознания, как ключевого атрибута общественного сознания. Автором также определены особенности категории «правовое воспитание», как многогранного процесса, решающего важные задачи формирования правосознания и высокой правовой культуры с ранних лет.*

***Ключевые слова:** институт семьи, общественное сознание, правосознание, правовое воспитание, социализация личности*

Возрастающий уровень глобальных процессов в обществе predetermined современную политику развивающихся стран, которая в качестве центрального компонента направления своей деятельности определяет человека, его права и свободы как высшую ценность реализации идей гражданского общества. При этом, наиболее сложной формой социальной общности выступает семья, как особый социокультурный

феномен. Институт семьи выступает в качестве целостной социальной системы, функциональная ценность которой направлена на процесс становления личности, его отдельных компонентов, среди которых центральное место в структуризации личности занимают мировоззрение и правосознание, как главные атрибуты общественного сознания.

Правосознание находится в неразрывной связи с правом, которое выступает для него отправной точкой в построении объективного сознания человека и его правомерного поведения. Следует согласиться с мнением Толпыкина В.Е., который отмечает, что «...опираясь на право и являясь его коррелятом, правосознание выступает формой осознания права как специфического явления социальной действительности» [1, с. 129].

Правосознание, в контексте трансформаций идеологических представлений общества укладов повседневной правовой жизни, подвержено постоянным изменениям.

В учебной правовой литературе правосознание трактуется, как одна из форм общественного сознания, отражающая общественные отношения, которые регулируют или должны быть урегулированы нормами права, чье содержание и развитие обуславливается условиями существования общества [2, с. 141]. Такой автор, как С. С. Алексеев подчеркивает, что ключевым пунктом правосознания выступает осознание людьми ценностей естественного права, прав и свобод человека и одновременно представлений о действующем позитивном праве, о том, насколько оно соответствует естественному праву, правовым ценностям и идеалам [3, с. 25-26].

Данное явление не является изолированным от других форм общественного сознания, а напротив, взаимосвязано и взаимодействует с ними посредством комплексного усвоения индивидом ценностей и норм общества с точки зрения разрозненных концептуальных основ. В правовой идеологии нередко возникают конфликты различных взглядов, представлений, происходит деформация адекватного восприятия истинной ориентации права, что приводит к правовому дилетантизму или инфантилизму. В связи с этим,

роль семьи в современном социуме чрезвычайно высока, ведь первичные установки, которые закладываются в сознание личности, формируются исходя из общих представлений и идейных направленностей внутри отдельной «первичной ячейки общества».

Исследованию отдельных проблем теории правосознания уделялось особое внимание на всех этапах развития отечественной юридической науки. Среди авторов, уделивших внимание исследованию данных вопросов, следует отметить работы: С.С. Алексеева, Е.А. Белканова, Н.Н. Вопленко, К.Т. Вельского, Ю.М. Грошевого, Г.Х. Ефремова, А.Э. Жалинского, Г.А. Злобина, В.П. Казимирчука, В.И. Каминской, В.Н. Кудрявцева, Е.А. Лукашевой, Л.С. Мамута, Н.И. Матузова, Е.В. Назаренко, Ю.И. Новика, Г.С. Остроумова, И.Ф. Покровского, В.П. Сальникова, Н.Я. Соколова, Л.И. Спиридонова, А.В. Трошева, Н.Г. Юркевича, З.А. Янковой, А.М. Яковлева и др.

Вопросы изучения правосознания семьи обусловлены особым предметом исследования, а также подходами к пониманию данного социоправового института. В научной литературе выдвигается огромное количество подходов, которые определяют сущностную роль семьи, в соответствии с которыми данная категория характеризуется «...как «матрица человеческой личности», часто описывается как «элемент социальной структуры», «первичная ячейка общества», «наиболее сложная форма социальной общности»» [4, с. 179], что на наш взгляд весьма ёмко определяет рассматриваемое комплексное явление.

Формирование правосознания происходит под влиянием различных факторов, которые определяются как внутренними индивидуальными особенностями личности, так и образуются под влиянием социальной среды, окружающей индивида, ближайшего круга его общения, воспитания, традиций, заложенных в семье. Семья выступает самым первым базовым институтом формирования правовых взглядов и ценностных ориентиров, которые фактически передаются от поколения к поколению. Первостепенным

фактором, по мнению Климкиной Ю. А., оказывающим влияние на формирование правового сознания личности выступает семья. По её мнению, именно в семье происходит закладка ценностей, прививается уважение к закону и государству [5]. Данную позицию поддерживает и такой автор, как О.С. Ростовской, который отмечает, что именно семья является важнейшим институтом становления личности ребенка, формирования его неповторимых, персональных качеств [6, с. 20]. Необходимо также привести точку зрения И.А. Ильина, который в качестве индивидуального аспекта духовного призвания семьи отмечал, что только она «... во всей полноте может дать ребенку самое главное и существенное в его жизни – открыть путь к любви, внутренней свободе, совести, вере, верности, самостоятельности – ко всему, что составляет, источник личного духовного характера» [7, с. 206-207].

В утвержденных Президентом Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» из всех обозначенных факторов, которые оказывают влияние на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания, первостепенное значение уделяется особому характеру воспитания и моральному климату в семье, законопослушному поведению родителей. Таким образом, как законодатель, так и научное сообщество едины во мнении, что прерогатива в формировании правовых идеалов отводится именно семье [8].

Основным механизмом передачи знаний, опыта и правовой идеологии выступает процесс воспитания. Правовое воспитание в отличие от иных форм воспитания, имеет специфическое предназначение, которое заключается в формировании социально активных и ответственных, юридически грамотных индивидов, которые будут выступать в качестве одного из компонентов правовой гармонизации личности и общества, его структур в правовой плоскости.

Стоит отметить, что понятие правовое воспитание в силу своей категориальной обширности и разноплановости в научном кругу имеет не

малое количество дефиниций, которые значительно отличаются по содержанию и объему. Так, одни авторы рассматривают правовое воспитание, как сложный, многогранный процесс, решающий важные задачи формирования высокого правосознания и высокой правовой культуры, другие же – представляют данную форму воспитания в качестве деятельности по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому» [9, с. 253]. В данном случае стоит согласиться с А.С. Пеструиловым, который отмечал, что в определениях правового воспитания «... в качестве ключевых используются разнопорядковые термины «процесс» и «деятельность», что приводит к определённой путанице в восприятии истинного значения данного правового явления, что может повлечь за собой нарушение методики организации указанной формы воспитания, его целевых установок [10].

Другой позиции в вопросе трактовки понятия правовое воспитание придерживается А. А. Кваша, который ретранслирует данную категорию через его составные элементы: «Правовое воспитание состоит в передаче, накоплении и усвоении знаний принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности. Отсюда есть необходимость в осознанном усвоении основных, нужных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Полученные знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку, строго следовать правовым предписаниям, а затем - во внутреннюю потребность соблюдать закон» [11, с. 288].

К сожалению, на данный момент не все современные семьи могут претендовать на звание «лучших воспитателей» в связи с проблемами, которые образуются в рамках семейного микроклимата. Становление взаимоотношений между членами семьи протекает в условиях политической, экономической и социокультурной дестабилизации, связанных с

глобализационными процессами, которые несут в себе не только положительный, но и негативный аспект. К примеру, современное общество характеризуется своей информативностью, что выражается в получении им доступа к различным информационным и телекоммуникационным источникам. Однако информация, размещенная на просторах указанных сетей, не всегда отличается своей точностью и достоверностью, что приводит к неправильной интерпретации полученных сведений, а вместе с ним, в некоторых случаях, деформации правосознания, подрыву доверия к государственному аппарату власти, что в целом выступает в качестве разрушительного фактора правовых основ нравственности общественности.

Исходя из этого, семья, как базисный источник знаний, занимает определяющее место в правовой социализации личности начиная с самых ранних лет психосоциальной эволюции ребенка. При этом, по справедливому суждению Э.И. Атагимовой, важным механизмом передачи накопленных представлений и идей, выступает правовое воспитание, как «...продолжение того сложного и многогранного процесса политического, нравственного, культурного воспитания, которое начинается на более ранних стадиях развития человека» [12].

Стоит учитывать, что помимо передачи определённых знаний, ценностей и идеологии, каждый из членов семьи должен обновлять свои представления о праве с учётом стихийно развивающихся общественных отношений в современном социуме. Данные представления должны базироваться на основании действительной юридической картины мира. В свою очередь, у государства появляется корреспондирующая обязанность - обеспечение надлежащего уровня благосостояния страны, формирование государственной политики с учётом всём глобализационных изменений в обществе для исключения возможных случаев деформации правосознания своего населения. Только работа всех структурных единиц в комплексе «государство-общество-семья» будет способствовать формированию правильной ориентации правовой действительности, уважения к закону и т.д.

Так, вполне оправданным является высказывание Д.А. Медведева, который указал, что «...правовым, а стало быть, и справедливым государством может быть только такое, где и власть и общество хорошо знают и уважают законы своей страны» [13].

Исходя из вышесказанного, важным аспектом в воспитании здорового, юридически грамотного общества, является организация работы по активизации пропаганды права в средствах массовой информации, мониторинг страниц сайтов в сети Интернет на предмет размещения сведений не умаляющих важность правовых институтов государственной власти, изучение правовых дисциплин не только в профильных вузах и средних специальных учебных заведениях, но и в непрофильных в качестве факультативных дисциплин, организация массовых мероприятий по правовому просвещению среди молодежи в целом дадут положительную динамику.

Список источников

1. Толпыкин В.Е. Правосознание как социокультурный феномен // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 127-132.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильева. – СПб.: Изд-во «Питер», 2005. – 655 с.
3. Алексеев С.С. Философия права : история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы / С. С. Алексеев. – Москва : НОРМА, 1999. – 329 с.
4. Малыгин Г.С. Смысл жизни и жизнь смысла : [Монография] / Г.С. Малыгин. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 245 с.
5. Климкина Ю.А. Факторы, оказывающие влияние на формирование правового сознания несовершеннолетних // Молодой ученый. – 2016. – № 14 (118) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/118/32866/>. – Дата обращения: 28.02.2023. – Загл. с экрана.
6. Ростова О.С. Семейное воспитание несовершеннолетних - приоритетное направление государственно-правовой политики Российской Федерации // Правовая информатика. – 2016. – № 3. – С. 20-25.
7. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 448 с.
8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/>. – Дата обращения: 28.02.2023. – Загл. с экрана.
9. Перевалов В.Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров : для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. Д.

Перевалов; Уральская гос. юридическая акад. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Юрайт, 2012. – 415 с.

10. Пеструилов А. С. Понятие и значение правового воспитания для современной России // Вестник КРУ МВД России. – 2020. – №3 (49) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-pravovogo-vospitaniya-dlya-sovremennoy-rossii>. – Дата обращения: 01.03.2023. – Загл. с экрана.

11. Кваша А.А. Правовые установки граждан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : Ростов н/Д, 2002. – 160 с.

12. Атагимова Э. И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // Правовая информатика. – 2017. – №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-instituta-semi-pri-formirovanii-nravstvennosti-i-pravosoznaniya-lichnosti-v-usloviyah-sovremennogo-informatsionnogo-prostranstva>. – Дата обращения: 01.03.2023. – Загл. с экрана.

13. Медведев Д. А. Выступление на II Общероссийском гражданском форуме 22 января 2008 года // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/01/24/tekst.html>. – Дата обращения: 01.03.2023. – Загл. с экрана.

УДК 316.483:341.231.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОРИЗМ» И «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ»

Герасименко Юлия Вячеславовна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Дукова Анастасия Дмитриевна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: ur.k@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые понятия «терроризм» и «террористический акт». Предпринята попытка установить соотношение понятий «терроризм» и «террористический акт».*

***Ключевые слова:** терроризм, террористический акт, безопасность, правонарушение, преступления террористической направленности.*

Постановка проблемы. В современной академической литературе актуальной проблемой является установление однозначных определений понятий «терроризм» и «террористический акт» как отдельных терминов. Исследование понятия «терроризм» позволяет выявить его многогранные

аспекты, включая политические, социальные, экономические и психологические факторы, определяющие его проявления и динамику. Кроме того, изучение этого общественно опасного явления способствует раскрытию механизмов радикализации, рекрутинга и финансирования террористических организаций, что является ключевым для разработки стратегий противодействия терроризму. Важно отметить, что современный терроризм приобретает новые формы и методы деятельности, включая кибертерроризм, биотерроризм и другие инновационные подходы. Поэтому актуальность исследования понятия «терроризм» заключается в необходимости постоянного анализа и адаптации стратегий борьбы с этим явлением в соответствии с современными вызовами и угрозами безопасности.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Определения терминов «терроризм» и «террористический акт» были предметом исследования в работах отечественных ученых, таких как Н.В. Мурин, М.Г. Беляев и других. Тем не менее, анализ академических публикаций указывает на недостаточную освещенность исследуемой проблематики, что свидетельствует о необходимости проведения более подробного изучения данного вопроса.

Цель исследования. Установить соотношение понятий «терроризм» и «террористический акт».

Основные результаты исследования. Терроризм в современном мире является одной из серьезных и широко распространенных угроз для человека, общества и государства. Развитие науки, техники и информационных технологий приводит к тому, что террористические организации, адаптируя эти достижения, изменяют свои методы и способы осуществления террористической деятельности, что приводит к появлению новых средств и возможностей для достижения своих преступных целей.

Существует смешение понятий «терроризм» и «террористический акт» в современной научной литературе, что приводит к необходимости их разграничения и изучения каждого термина отдельно. Различные ученые

предлагают различные определения терминов «терроризм» и «террористический акт».

В.И. Даль определяет термина «терроризм», как «устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства». Однако следует отметить, что во времена В.И. Даля под терроризмом прежде всего понималась политика государственного террора, по опыту Французской революции [4, с. 422-423].

Исследователь М.А. Комарова под терроризмом понимает мотивированное и идеологически обоснованное использование насилия или угроз применения насилия, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении для достижения преследуемых ими целей [2, с. 25].

В свою очередь О.А. Артюхин, А.А. Крицкая, А.Ю. Цыплаков отмечают, что терроризм связан с насильственными действиями (убийства, захват заложников, взрывы, разрушение инфраструктуры и проч.) против социума, для устрашения подавления воли противников, конкурентов, направленными на достижение политических целей. По их мнению, в современном мире терроризм становится связанным с легитимностью власти и используется если не для устранения правящего класса, то направлен, как минимум, на снижение к нему доверия со стороны населения [1, с.46-47].

В.А. Липкан предлагает рассматривать терроризм в широком и узком смысле. В первом аспекте терроризм рассматривается как негативное социально-правовое явление, обусловленное социальными, политическими и экономическими факторами, которое характеризуется:

- во-первых, сплочением агрессивно настроенных слоев организованной преступности с разделением на иерархические уровни и выделением лидеров, не участвующих в совершении террористических актов, но осуществляющих идеологические, управленческие и организационные функции;

- во-вторых, совокупностью сложных, широкомасштабных криминальных видов деятельности, осуществляемых организациями,

группами, лицами публично с применением или угрозой применения насилия, с целью влияния на принятие государством, международной организацией, физическим или юридическим лицами любого решения или воздержание от него;

- в-третьих, направленностью на дезорганизацию общества, запугивание более широкой группы лиц, чем непосредственные жертвы,

- в-четвертых, созданием условий, для лучшего манипулирования и достижения полного контроля над обществом, в том числе с использованием коррумпированных связей, пренебрежение любыми законами и правилами человеческого сосуществования, нивелирование жизни отдельного человека.

В узком смысле терроризм понимается исследователем как негативное социальное явление, обусловленное социальными, политическими и экономическими факторами, заключающееся в применении или угрозе применения насилия или других общественно опасных действий лицом или группой лиц, стремящихся путем запугивания и принуждения достичь определенных социальных изменений в собственных интересах [3, с.139-142].

В соответствии с анализом Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №1 от 09.02.2012г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 03.11.2016 №41), терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь [5].

Исходя из изложенного, *терроризм может быть определен как умышленное использование насилия или угрозы для достижения политических, религиозных или идеологических целей. В свою очередь, террористический акт представляет собой конкретное преступление, деяние, непосредственно связанное с терроризмом.*

Согласно статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или других действий, устрашающих население и представляющих угрозу для жизни людей, причинения существенного ущерба имуществу или наступления иных тяжких последствий с целью дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, либо для оказания воздействия на принятие ими решений. Также включается угроза совершения указанных действий с целью воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями [6].

Терроризм представляет собой одну из наиболее критических угроз безопасности и основных вызовов в современном мире. Террористические группировки стремятся достичь своих целей, создавая нестабильность, панику и хаос среди граждан. Одна из основных причин, почему террористические акты представляют собой столь серьезную угрозу, заключается в том, что они могут нанести смертельный ущерб не только экономике, социальной стабильности и политической системе страны, но и людям.

Целью террористов является создание страха и паники среди населения. Даже неудачные террористические акты вызывают ощущение неуверенности и беспокойства среди людей, стимулируя опасения перед возможностью новых атак. Это позволяет террористам добиться своих целей, включая повышение уровня политического или религиозного влияния, изменение государственной политики или даже получение материальной выгоды от захвата заложников или шантажа.

Сущность соотношения между терроризмом и террористическим актом заключается в том, что последний представляет собой один из инструментов, используемых для достижения целей терроризма. Террористический акт часто обладает символическим значением и направлен на привлечение внимания, как на внутреннем, так и на международном уровне к определенным проблематикам.

Важно отметить, что не все насильственные действия могут быть классифицированы как терроризм. Некоторые проявления насилия могут возникать в контексте других форм насилия или преступной деятельности, не связанной с политическими или идеологическими мотивами. Поэтому для классификации акта как террористического необходимо учитывать его контекст, цели, методы и идеологическую поддержку, а также политическую мотивацию, лежащую в его основе.

Несмотря на различия между терроризмом и террористическим актом, эти понятия тесно связаны и представляют важные аспекты при изучении борьбы с терроризмом. Анализ случаев террористических актов в широком контексте терроризма позволяет лучше понять природу и мотивы терроризма, его направленность и эффективные меры по предотвращению и противодействию этому явлению. Ключевые элементы такого анализа включают изучение факторов, порождающих и способствующих распространению терроризма, разработку превентивных мер и стратегий по борьбе с терроризмом, а также развитие международного сотрудничества в этой области.

Выводы. Понятие «терроризм» относится к политической стратегии и тактике, которая используется для достижения определенных целей путем систематического использования насилия, угроз против гражданского населения или правительственных органов. Терроризм может иметь разные формы, включая использование взрывов, нападений, захватов заложников и пропаганды с целью создания страха и паники в обществе.

Террористический акт является конкретным проявлением терроризма. Он представляет собой преступное действие, совершаемое с применением насилия или угрозы насилия с целью посягательства на общественный порядок, воздействия на политические решения, что в последующем приводит к введению людей в заблуждения.

Терроризм является более широким понятием, включая последовательные решения при осуществлении этой стратегии, в то время как

террористический акт представляет собой конкретные действия, осуществляемые в рамках данной стратегии террористами.

Список источников.

1. Артюхин О.А., Крицкая А.А., Цыплаков А.Ю. Террористическая рискогенность и антитеррористический политический инструментарий / О.А. Артюхин, А.А. Крицкая, А.Ю. Цыплаков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 2 (117) – С. 139-142.
2. Комарова М.А. Терроризм в уголовном праве России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Моск. гос. юрид. акад. – Москва, 2003. – 25с.
3. Липкан В.А. Тероризм и национальная безопасность / В.А. Липкан. – М: Знания, 2000. – 184с.
4. Мурин Н.В. Соотношение понятий «террор», «терроризм» и «террористический акт» / Н.В. Мурин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – Вып. № 5 (57) – С. 421-424.
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №1 от 09.02.20212 (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 03.11.2016г. №41) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8266/> – Дата обращение: 22.09.2023. – Загл. с экрана.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г., №63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – Дата обращения: 21.09.2023. – Загл. с экрана.

УДК 34

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Ищенко Тимур Владимирович

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: rector@donnu.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные ключевые аспекты и факторы формирования и развития политической культуры в Донецкой Народной Республике с учетом динамики политической и экономической ситуации в государстве. Исследование проводится с целью с установления уровня и этапа развития политической культуры, её отличительных черт и особенностей, и, насколько это возможно, – определить направления возможного дальнейшего развития.*

***Ключевые слова:** политическая культура, политическая культура Донбасса, генезис политической культуры в ДНР, политическая культура донецкого региона*

Постановка проблемы. Политическая культура донецкого общества за последние несколько десятилетий прошла через множество социальных и экономических потрясений, что не могло не сказаться на процессе формирования политических и ценностных ориентаций. Изучение генезиса формирования и развития политической культуры в донецком регионе за последние несколько десятков лет, несмотря на скудность эмпирических, статистических социологических данных за последнее десятилетие, позволит определить ключевые особенности ориентационных политических ценностей жителей ДНР и, насколько это возможно, определить дальнейшее направление аксиологических политических ориентаций общества.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Фундаментальные исследовательские труды, раскрывающие политическую культуру как общественный институт, принадлежат Г. Алмонду и С. Вербе, в частности

классикой современной политической науки считается их работа «Гражданская культура» (Civil culture), которая внесла основные критерии для определения уровня развития политической культуры и её классификации, которую позже дополнил У. Розембаум. Основоположниками и классиками объективного подхода к исследованию феномена политической культуры считают Д. Истона и Т. Парсона. Более современные подходы к сущности политической культуры дали Д. Дивайн, а в отечественной литературе – В.В. Тихонова, Г. Голосов и В. Колпаков.

Цель исследования. Целью исследования является определение стадии развития и классификационных особенностей функционирования политической культуры в Донецкой Народной Республике, а также прогнозирование направления дальнейшего её развития.

Основные результаты исследования. Классическое современное определение политической культуры дали Г. Алмонд и С. Верба: «Политическая культура народа или страны – это специфическое распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению данной страны» [1, с. 30]. Под ориентациями Г. Алмонд и С. Верба понимают знания и убеждения граждан государства относительно политической системы (когнитивная ориентация), чувства по отношению к политической системе (эмоциональная ориентация) и суждения граждан по отношению к политической системе (оценочная ориентация). Понятие политической системы в этом контексте состоит из конкретных структур и ролей, осуществляющих политически значимые действия и решения, исполнителей этих ролей, то есть конкретных личностей и индивидов, а также непосредственные политические действия и решения. Политическая система также включает в себя политический процесс (входной), в ходе которого в политическую систему поступают общественные требования и административный процесс, в ходе которого эти требования претворяются в жизнь благодаря тем же соответствующим структурам и ролям. Определение политической культуры от Г. Алмонда и С. Вербы

классифицируются как субъективный или психологический подход. В его рамках исследуются политически релевантные ценности в первую очередь индивида. Это обосновывается тем, что, поскольку политические системы состоят из индивидов, можно априори считать доказанным, что для функционирования политических систем и для достигаемых при этом результатов важны конкретные психологические тенденции у отдельных индивидов или среди социальных групп [1, с. 53].

Иное определение дал Д. Истон, определив политическую культуру как совокупность лишь тех верований и представлений, которые явно определяют политические действия. Т. Парсонс рассматривает ценности как высшие принципы, на основе которых обеспечивается согласие (консенсус) в малых группах и в обществе в целом. Ценности объективны. Они должны попадать в поле зрения исследователя лишь в той мере, в какой они способствуют поддержанию целостности и нормального функционирования системы. Усвоение политической культуры, с этой точки зрения, имеет своим непосредственным результатом определенный политический режим [2, с. 52]. Такой подход называют к пониманию правовой культуры называют объективным.

Д. Дивайн определил политическую культуру, как историческую систему широко распространённых, фундаментальных поведенческих политических ценностей, которых придерживаются члены данной общественно-политической системы [3, с. 126]. Общее для политической науки определение политической культуры включает в себя наличие у члена общества ценностей, сформированных под влиянием множества исторических, экономических, политических, религиозных и других факторов, знания и убеждения относительно существующей политической системы, в том числе органов и должностей и как институтов, и как конкретных исполнителей, личную позицию, отношение и суждения по отношению к политической системе и политическое поведение индивидов и групп индивидов, образованное совокупностью ранее перечисленных факторов.

Более современную и доступную к пониманию, но от того не менее обоснованную структуру понятия политической культуры дала В.В. Тихонова:

1. Познавательные элементы – знания о политике. Показателем уровня политических знаний является политическая образованность, которая предполагает концептуальность, целостность, объективность знания, способность к политическому мышлению.

2. Эмоционально-оценочные элементы – чувства, испытываемые к политической системе, выраженные в форме взглядов, политических установок, оценок; суждения и мнения о политике; социальная позиция личности. Обобщенным критерием эмоциональнооценочных элементов политической культуры является гражданственность.

3. Поведенческие элементы – различные формы участия граждан в политической деятельности. Политическое поведение – это проявление широкой системы общественных отношений, в которой взаимодействуют политическая система, политические движения и партии, социальные и политические ценности, процессы политической социализации, социальная позиция личности и ее индивидуальное поведение [4, с. 67].

Таким образом изучение политической культуры состоит в основном в изучении и сопоставлении аксиологического и поведенческого аспекта индивида или групп индивидов по отношению к политической действительности, в которой они существуют и взаимодействуют. В рамках этого подхода стоит также уделить внимание изучению истории генезиса и факторов формирования политической культуры отдельного общества, беря во внимание нелинейность социальных и политических процессов, а, следовательно, и возможную изменчивость политической культуры.

Алмонд и Верба выделяют следующие основные типы «чистых» политических культур:

– Парохиальная политическая культура. Характеризуется отсутствием дифференциации политических ролей в обществе, а тем что существуют – являются скорее социальной или религиозной дифференциацией. У индивида

отсутствует запрос и желание участвовать в политике, менять что-либо в социальном укладе, он не имеет знаний как о существующих политических структурах и ролях, так и о системе принятия ими решений. Такая культура характерна для фактически племенных, родовых и общинных политических образований.

– Подданническая политическая культура. Для нее характерна высокая частота ориентаций на дифференцированную политическую систему и на те аспекты системы, которые связаны с ее «выходом», но вероятности ориентаций конкретно на объекты на «входе» и на себя как активного, участника близки к нулю [1, с. 35]. Здесь для индивида характерно иметь сведения и соответственно отношение к нисходящему потоку политической системы- административному процессу. Отношение к восходящему потоку политического процесса - пассивное и у индивида преимущественно отсутствуют знания о существующих структурах и ролях и о требованиях, поступающих им от общества.

– Участническая политическая культура. В этой культуре члены общества склонны отчетливо и явным образом ориентироваться на систему в целом, а также и на политические, и на административные структуры и процессы [1, с. 37]. Необходимо добавить, что как отмечали сами Алмонд и Верба, на практике политические культуры всегда будут включать в себя индивидов из всех трех групп политических культур. Поэтому исследуя политическую культуру следует говорить скорее о преобладании в обществе конкретной политической культуры из трех указанных.

В зависимости от основных форм и характера политического устройства общества, особенностей участия и поведения людей в политической жизни можно выделить политическое явление как демократическое, авторитарное, тоталитарное, а также переходное между перечисленными состояниями. Следовательно, политическая культура может быть авторитарной, тоталитарной, демократической и переходной между ними. Переходная модель политической культуры характерна при смене политического курса,

например, когда происходит смена авторитарного режима демократическим. Таким образом, учитывая сложность данного явления и его специфические особенности, политическую культуру возможно классифицировать по аналогии с политическим режимом [3, с. 129]. Под демократической политической культурой чаще всего понимают наличие у населения демократических политических ориентаций, традиционно такими считают все неотъемлемые права и свободы человека, доверие общества к государству и его институтам, политический плюрализм, превалирование индивидуалистического подхода к развитию личности и общества, широкую степень политической компетентности и политической активности. Авторитарными же традиционно считают ценности преобладание коллективного подхода к развитию общества в целом, главным и практически единственным политическим актором выступает не индивид, а государство, общество аполитично и активного участия в политике не принимает. Тоталитарная политическая культура в целом похожа на авторитарную, однако отличается степенью политического и идеологического контроля государства за обществом. У. Розембаум выделяет политическую культуру фрагментированную, когда в обществе политически разнородно и политические субъекты чаще конфликтуют друг с другом, нежели сотрудничают и интегрированную, где между политическими субъектами превалирует кооперация. По коммуникативным критериям и степени восприятия внутривнутриполитических изменений так же выделяют закрытую и открытую политическую культуру.

Истоки политической культуры жителей Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) идут из ранее сформированной политической культуры жителей Донецкой области.

Так, по общим данным Центральной Избирательной Комиссии (далее – ЦИК) Украины, общая явка избирателей на парламентских выборах 2006 года составила около 59-60%, в Донецкой области – 62-64%, на внеочередных парламентских выборах 2007 года составила примерно 57-58%,

около 66% в Донецкой области, на парламентских выборах 2012 года явка составила около 57-58% во всей стране, примерно 59-60% в Донецкой области, на парламентских выборах 2014 года – примерно 53% по всей Украине, около 32-33% в Донецкой области. Из данных следует, что в среднем Донецкий регион имеет уровень явки в 60% на парламентских выборах, что немного выше среднего украинского, а данные выборов 2014 обусловлены началом политического кризиса на территории области, проведением антитеррористической операции, и возникновением неподконтрольной зоны «Отдельных регионов Донецкой и Луганской областей», население которых фактически не принимало участия в голосовании. Согласно данным World Population Review за 2019-2020 годы, средняя явка стран Восточной Европы составляет около 60 – 65% что примерно соответствует избирательной явке парламентских выборов в Донецкой области. Тем не менее, обычно выражение гражданской культуры и политической культуры участия по мнению в том числе Алмонда и Веберы должно выражаться в более высоком показателе участия в выборах, строго говоря более 70%. Несмотря на это, данная явка по крайней мере демонстрирует наличие определенного интереса к участию относительно широких масс населения Донецкой области.

Согласно данным ЦИК Украины по президентским выборам в 2004 года, обще украинская явка составила около 74-75%, явка ко к первому туру в Донецкой области составила около 75-80%, ко второму-аномальные 95-99%. Позже решением Судебной палаты по гражданским делам Верховного Суда Украины результаты повторных выборов были признаны недействительными, а решение ЦИК было отменено [6]. Суд установил наличие широко ряда процессуальных нарушений закона «О выборах Президента Украины», касающихся составов, формирования и действий избирательных комиссий и способов предвыборной агитации. На президентских выборах 2010 года всеукраинская явка в первом туре- примерно 66-67%, во втором – 68-69%, при этом явка в Донецкой области в первом туре составляла около 62-64%, во втором – 76-77%, на президентских выборах 2014 года всеукраинская явка

составило около 59-60%, явка в Донецкой области составила немногим больше 15%, что связано все также с тем, что наиболее густонаселенные территории оказались в статусе Особых регионов Донецкой и Луганской области и участия в голосовании не принимали.

Можно наблюдать, что средняя явка жителей Донецкой области, как на президентских, так и на парламентских выборах, сохраняется в среднем немного выше, чем всеукраинская, однако на президентских выборах явка даже выше чем на парламентских – в районе 70-75%. Особенно это заметно во втором туре выборов 2004 и 2010 года и, вероятнее всего, связано с личностью кандидата в президенты от Партии Регионов Виктора Януковича. Так можно сделать предположение, что жители донецкого региона и жители Украины в целом склонны больше доверять или ожидать большей политической отдачи от политических исполнителей, нежели чем от структур.

Таким образом, жители донецкого региона абсолютно не желают принимать участия ни в каких политических активностях сверх участия в выборах, очень большое число людей с радостью бы передало свою возможность политического участия на «компетентных» управленцев, при этом испытывая максимальное недоверие к ним. Складывается парадоксальная ситуация – огромная часть общества не против отдать своё политическое влияние компетентным лидерам или незнакомцам, при этом имея практически абсолютную уверенность в том, что этот лидер не сможет решить возложенные на него задачи. Следствием этого является отчуждение колоссальной части общества от политического участия, следовательно, от контроля над этими компетентными управленцами. Это может являться следствием множественных экономических проблем и недостаточно высоким уровнем жизни, что подтверждает крайнее недовольство текущей экономической ситуацией.

Так можно констатировать, что к моменту начала вооруженного конфликта в 2014 году, политическая культура жителей донецкого региона скорее характеризуется доминирующим подданническим типом политической

культуры с довольно высоким распространением политической культуры участия (хотя декларируемое участие ощутимо ниже статистически подтверждаемого). Само общество декларирует свою демократическую политическую культуру, однако фактически имеют место быть как минимум несколько видов авторитарных тенденций, таких как к примеру большие возложенные ожидания на президента, скорее даже на его личность, чем на парламент, явное желание предать свою политическую ответственность в руки компетентных управленцев, критическое неучастие общества в общественно-политических активностях помимо избирательных и др. Общая ценностная ориентированность донецкого региона довольно целостная, что отражается во множестве социологических исследований институтов и организаций Украины, где его, как правило, выделяют отдельным субрегионом «Восток», чаще до 2014 года и «Донбасс» чаще после 2014 года, а также в стабильной доминирующей электоральной поддержке одних и тех же политических сил на протяжении десятилетия наблюдений.

После начала вооруженного конфликта в 2014 году, научные издания и учреждения, за единичными исключениями, фактически перестали осуществлять исследовательскую деятельность на территории ДНР, потому наблюдается катастрофический дефицит эмпирических социологических данных, позволяющих определить динамику изменений политических и ценностных ориентаций. Большинство эмпирической социологии относительно ДНР на данный момент было направлено на исследование изменения мнения граждан РФ относительно инкорпорирования территории ДНР и ЛНР, при этом фундаментальной аксиологической социологии относительно ориентаций жителей ДНР и ЛНР практически физически не существует. Основой исследования политической культуры жителей ДНР после 2014 года служит официальная статистика электоральных мероприятий, иногда получаемая сугубо из заявлений СМИ, политиков и чиновников, участвующих в управлении электоральным циклом в виду отсутствия свободного доступа к отдельным протоколам, постановлениям и иным

нормативно-правовым актам. Такую статистику следует соотносить с множеством социально и политически значимых факторов, влияющих на ценностный аспект донецкого общества. Существуют также неконвенциональные источники эмпирических данных, полученных отдельными организациями, на основе которых можно сделать некоторые предположения относительно ключевых аспектов политической культуры жителей ДНР.

Так, согласно старому официальному сайту Центральной Избирательной Комиссии ДНР (далее – ЦИК ДНР), явка на выборах Главы и депутатов Народного Совета ДНР в 2018 по республике в целом (ЦИК так и не опубликовал их протоколы) суммарно составила 80,1% [12]. Согласно протоколу ЦИК о выборах 2023 в Народный Совет ДНР, опубликованном на новом официальном сайте ЦИК ДНР, явка составляет 94,3% при учете недействительных и погашенных бюллетеней. Всего же засчитанных голосов 1 591 612 бюллетеней, что составляет 79,03% от заявленного числа избирателей [13]. На данный момент не существует ни одного нормативного акта, подтверждающего результаты избирательной кампании референдума 2022 о вхождение ДНР в состав РФ, хотя множество российских СМИ ссылаются на заявления председателя ЦИК ДНР Владимира Высоцкого, согласно которым явка составила 97,5-99%. Данная избирательная явка является самой высокой за последние 20 лет политической истории донецкого региона и соперничает только с результатами повторных выборов президента Украины 2004 года, где как ранее отмечалось, Верховный Суд Украины усмотрел множественные нарушения и фальсификации, по причине которых и признал результаты выборов недействительными.

Существует несколько информационных ресурсов, методология которых не соответствует стандартам проведения эмпирических социальных исследований, однако в отсутствии иных аксиологических данных на их основах все же можно делать некоторые предположения об особенностях развития политической культуры жителей ДНР. Так, согласно опросу от интернет-портала «Мнение» от 20 декабря 2019 года, деятельностью власти

ДНР в целом недовольны 61,46% опрошенных, деятельностью Главы ДНР – 60,42%, деятельностью Народного Совета – 59,38%, деятельностью Правительства ДНР – 64,59%, деятельностью судебной системы – 51,04%, деятельностью местных администраций – 51,05%, деятельностью общественного движения «Донецкая Республика» – 48,96% [14]. Согласно опросу от интернет-портала «Мнение» от 2 сентября 2021 года, общее количество респондентов, декларировавших своё желание участвовать в выборах в Государственную Думу составляет 63,16%, при этом 26,32% респондентов заявили, что не будут голосовать вовсе [15].

Если основываться на официальных данных ЦИК РФ и ДНР, интернет-опросах, можно резюмировать, что общество донецкого региона сейчас, в целом, ощутимо более политически активнее, чем было до этого, что контрастирует с другими же данными, где люди всё также в основной массе недовольны любыми институтами действующей власти, что очевидно, не способствует к росту доверия. При более детальном рассмотрении следует обратить внимание на внутреннеполитическую ситуацию в республике. Как уже обращал внимание В.А. Сичкар: «В Республике отсутствует закон о парламентской оппозиции, законодательно не закреплено понятие института оппозиции. Принятие законов об оппозиции является необходимым и закономерным этапом на пути установления развитой демократии» [16, с. 153]. На протяжении почти всего существования ДНР, не считая 2023 год, не существовало никаких официальных политических движений и образований, кроме «Донецкой Республики» и «Свободный Донбасс». Функционально, составы общественных организаций повторяют друг друга, ставя одну и ту же цель-построение конституционными методами правового, социально ориентированного государства с многоукладной экономикой и гарантированной реализацией гражданских прав и свобод, участие в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов

граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления, политическое образование и воспитание граждан, выдвижение своих кандидатов в органы власти, на пост главы и других высших должностных лиц.

Политических программ, как таковых, у общественных движений нет ни в учредительных документах, ни на их официальных сайтах. Понять политическую ориентированность партий можно только по их законодательной деятельности и заявлениям депутатов Народного Совета. В общем и целом, внешнеполитическая деятельность обеих организаций направлена на максимальную гармонизацию российского и республиканского законодательства. Таким образом, данные общественные организации в глобальном смысле не имеют существенных различий. Можно констатировать, что в данном случае в ДНР существовал фактически однопартийный режим, без возможности создания и прохождения в парламент любых других общественных организаций с какими-либо политическими взглядами.

Из норм Конституции ДНР следует, что Глава Республики имеет не зависящее от Народного Совета право на назначение части правительства, а именно- министров, ведающими вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, гражданской обороны, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий и освобождает их от должности. Следовательно, уже нельзя констатировать верховенство парламента в сфере назначения правительства. К тому же именно Глава, в конечном счете, утверждает всех остальных министров равно, как и отправляет в отставку правительство. Таким образом, должность министров в правительстве зависит именно от Главы Республики, соответственно и ответственность правительство несет непосредственно перед ним. Стоит также помнить, что и Глава Республики, и все члены правительства, и большинство депутатов в Народном Совете относятся к одному и тому же общественному движению. Фактически Глава

республики, возглавляя исполнительную ветвь власти, имеет гораздо большее влияние на правительство, чем парламент, а его полномочия в сфере издания указов, которые де-юре являются подзаконными нормативными актами, фактически приравнивают их к законам, тем самым не лишая парламент главенства в сфере законодательства. До 2023 года порядка для регистрации иных некоммерческих организаций (в нашем случае- общественных движений или политических партий) не существовало, таким образом, складывалась ситуация, при которой гражданин не может учувствовать при формировании парламента никаким образом, кроме как вступления в уже существующие две организации – Общественное движение «Донецкая Республика» (далее – ОД «Донецкая Республика») и ОД «Свободный Донбасс» (далее – ОД «Свободный Донбасс»). При этом маловероятно, что общественная организация внесет в республиканские списки кандидатов в депутаты Народного Совета гражданина, который не поддерживает её идеи, ценности и устремления.

С момента утверждения Государственного комитета обороны ДНР (Председателем которой действующий Глава Д. Пушилин своим указом назначил самого себя), в руках главы исполнительной власти ДНР оказываются практически все государственные полномочия, в том числе по созданию и роспуску судов, управлению финансами вне зависимости от принятия бюджета Народным Советом, распоряжения «трудовыми ресурсами» и т.д. Как отмечал Г. Голосов подобную ситуацию: «оказывается, что общие объемы президентских полномочий больше всего в тех странах, которые сохраняют авторитарные режимы (например, в Туркменистане – 28), а также в тех новых демократиях, конституции которых составлялись при ведущем участии представителей авторитарных режимов (Бразилия, Чили)», [2, с. 145].

Таким образом, в республике на протяжении всего её существования создавалась существенно авторитарная система, которая декларировала демократический путь развития и демократические ценности, на практике

ограничивая возможность политического самовыражения и организации, собирающая всю власть в руках исполнительный ветви, в частности в руках Главы республики. Созданная система, по сути, сводит весь политический процесс к административному процессу, где население всё также имеет своё мнение и эмоциональное отношение к действующей власти и её политическим и другим решениям, что выражается в продолжающемся уже 20 лет недовольстве донецкого общества работой любых государственных и тем более политических институтов, однако запросы общества не влияют на решения политических структур и исполнителей, хотя по декларируемым нормам и заявлениям политической элиты они эту возможность имеют. С другой стороны, доминирование административного процесса над политическим соответствует с некоторыми авторитарными тенденциями донецкого общества, в частности с желаниями перенести свою политическую ответственность на компетентных управленцев и в гораздо меньшей степени-политиков, хотя, как и раньше общество в большинстве своём им не доверяет. Простые изменения в избирательное и в целом в политическое законодательство, внесенные в 2023 году едва ли исправят такую устойчивую тенденцию к аполитизации.

Другим фактором устойчивости тенденции к неучастию в политике Г. Голосов указывает образование и благосостояние: «Опросы, проведенные С. Вербой, Н. Наем и Дж. О. Кимом, показали высокий уровень позитивной корреляции между индексом социального статуса («доходы + образование») и уровнем участия. В Великобритании политические активисты, к какой бы партии они не принадлежали, в подавляющем большинстве являются выходцами из среднего класса, хотя в обществе в целом он составляет всего лишь треть. Таким образом, модель политического участия всегда отражает существующее социальное неравенство.» [2, с.65] Из этих факторов наибольшее отрицательное влияние оказывает материальное положение жителей ДНР, усугубленное сначала вооруженным противостоянием и миграцией, колоссальным оттоком населения как Украину так и в Россию, а

позже – экономической блокадой и статусом государственного образования непризнанного ни одним членом ООН (до 2022 года, в том числе и Российской Федерацией). По различным данным от мониторинговых источников, средняя заработная плата в ДНР варьируется в районе 25000- 35000 р. В то время, как согласно данным от Федеральной службы государственной статистики по всей России она в 2023 году составляет 66778 – 70639 р. По тем же данным, средняя установленная пенсия в России в 2023 году составляет – 19322-19626р. В то время как в ДНР по данным из широкого ряда источников – 17000-19000р. При учете беспрецедентного уровня военных действия в ДНР с начала 2022, экономических, логистических, юридических и иных сложностей, жители донецкого региона в массе своей находятся в крайне бедственном экономическом положении.

Таким образом, к 2024 году политическая культура жителей ДНР характеризуется доминирующей ролью подданнической культуры, где присутствует политическая культура участия, однако за 10 лет социальных и экономических потрясений её доля неуклонно падала до очень низких значений относительно подданнической. Избиратели, среди которых намечались некоторые авторитарные тенденции, в частности очень большое желание возложить свою политическую активность и ответственность на компетентных управленцев, которые в течение последних 20 лет имели в большинстве случаев отрицательный политический опыт сохранили критический уровень недоверия к политическим институтам и уровень недовольства политическими решениями. Описанное ранее огромное количество проблем в любых отраслях человеческой жизни скорее способствуют все большему обособлению жителей донецкого региона от политики, их концентрацию на близком кругу друзей, семьи и коллег. Можно также предположить, что уровень избирательной явки, при сохранении существующих тенденций, продолжит снижаться, даже несмотря на существующую статистику, которая противоречит политическим и аксиологическим тенденциям внутри общества.

Следует отметить, что российское государство предпринимает определенные шаги для влияния на политическую культуру в ДНР-индексирует заработные платы, организует множество социальных, образовательных и других программ, занимается штучным строительством медицинских, образовательных и иных социальных учреждений, изменяет законодательство таким образом, чтобы юридически избраться могли любые члены зарегистрированных партий и общественных движений, однако при учете неутрачивающих, широко распространенного отсутствия базовых социальных благ, оттока работоспособного образованного населения и главным образом из-за неутрачивающих и крайне разрушительных военных действий и угрозы жизни, эти меры не будут иметь фундаментального воздействия, разве что в некотором роде замедлят существующие тенденции. Это предположение особенно актуально в сфере развивающихся схожих тенденций во всей Российской Федерации, про которые, к примеру, писал еще А. Дадашев в 2017 году: «Как нам кажется, в последнее время принятые политические решения отмены порога явки во время избирательного процесса и назначение глав республик и регионов, никак не могут поспособствовать политической активности граждан субъектов России» [5, с. 131].

Выводы. В заключение можно добавить, что, если не прервать существующие в ДНР политические и аксиологические тенденции, отрицательные факторы за длительный период своего воздействия могут оказать инвалидизирующее воздействие на политическую и гражданскую культуру донецкого общества.

Список источников

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
2. Голосов Г.В. Сравнительная политология: учебник / Г.В. Голосов, Ю.Д. Шевченко / 3-е изд., перераб. и доп. – С.-Петербург: Изд-во Европ. ун-та, 2001. – 368 с
3. Колпаков В.В. Политическая культура и её типология: традиция и современные подходы / В.В. Колпаков // Социодинамика. – 2017. – №3. – С. 125-133
4. Тихонова В.В. Политическая культура как фундаментальная основа политического лидерства / В.В. Тихонова // Власть. – 2010. – № 11. – С. 66-68

5. Дадашев А.А. Политическая культура и политическая активность граждан / А.А. Дадашев // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. – 2017. – №1 (15). – С. 129-133

6. Щодо справи за скаргою на рішення, дії та бездіяльність Центральної виборчої комісії по встановленню результатів повторного голосування з виборів Президента України 21 листопада 2004 року [Електронний ресурс] / Офіційний портал Верховної Ради України. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0090700-04#Text>. – Дата обращения: 27.03.2023. – Загл. с экрана.

7. Довіра українців до соціальних інституцій [Електронний ресурс] / Киевский Международный Институт Социологии официальный сайт. – Режим доступа: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=81>. – Дата обращения: 27.03.2023. – Загл. с экрана.

8. Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д. ек.н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – Київ: Інститут Соціології НАН України, 2013. – 566 с.

9. Чертухина Л. Политическая жизнь украинцев в независимом государстве [Електронний ресурс] / Киевский институт проблем управления имени Горшенина официальный сайт – Режим доступа: <https://gorshenin.ua/publication/politicheskaya-zhizn-ukraintsev-v-nezavisimom-gosudarstve/>. – Дата обращения: 27.03.2023. – Загл. с экрана.

10. Чертухина Л. Мораль и жизненные ценности украинского общества [Електронний ресурс] / Киевский институт проблем управления имени Горшенина официальный сайт. – Режим доступа: <https://gorshenin.ua/publication/moral-i-zhiznennyye-tsennosti-ukrainskogo-obshhestva/>. – Дата обращения: 27.03.2023. – Загл. с экрана.

11. Українське суспільство 1992-2012. Стан та динаміка змін Соціологічний моніторинг / За ред. Д. ек.н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – Київ: Інститут Соціології НАН України, 2013. – 660 с.

12. Явка на выборы Главы и депутатов Народного Совета ДНР по республике [Електронний ресурс] / Центральная Избирательная Комиссия ДНР официальный сайт. – Режим доступа: <https://cikdnr.su/javka-na-vybory-glavy-i-deputatov-narodnogo-soveta-dnr-po-respublike/>. – Дата обращения: 27.03.2023 – Загл. с экрана.

13. Центральная Избирательная Комиссия ДНР [Електронний ресурс]/ Официальный сайт. – Режим доступа: <http://dnr.izbirkom.ru/>. – Дата обращения: 27.03.2023. – Загл. с экрана.

14. Насколько успешными Вы считаете действия власти в уходящем году? [Електронний ресурс] / Портал «Мнение». – Режим доступа: <http://mnienie.oddr.info/naskolko-uspeshnymi-vy-schitaete-deystviya-vlasti-v-uhodyashhem-godu/>. – Дата обращения: 29.03.2023. – Загл. с экрана.

15. Как Вы будете голосовать на выборах в Госдуму РФ? [Електронний ресурс] / Портал «Мнение». – Режим доступа: <http://mnienie.oddr.info/kak-vy-budete-golosovat-na-vyborah-v-gosdumu-rf/>. – Дата обращения 29.03.2023. – Загл. с экрана.

16. Сичкар В.А. Теоретико-правовые основы формирования Народного Совета Донецкой Народной Республики / В.А. Сичкар // Вестник Института экономических исследований. – 2018. – №2 (10). – С. 152-158.

УДК 340

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Мельниченко Юлия Станиславовна

кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Веселова Яна Евгеньевна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

***Аннотация.** В условиях военных действий выявлено, что формирование правовой культуры и правосознания населения становится неотъемлемой частью социальной адаптации в условиях кризиса. Успешное формирование правовой культуры и правосознания в период вооруженных конфликтов требует комплексного подхода, включающего образовательные и информационные инициативы, поддержку гражданских структур, обеспечение доступного судебного разбирательства и активное участие в восстановлении социальной сферы.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правосознание, война, вооруженный конфликт.*

Постановка проблемы. Заявленная тематика работы является чрезвычайно актуальной и важной в контексте современного мира, который, к сожалению, не лишен военных конфликтов и напряженных международных отношений.

В период войн и вооруженных конфликтов общество сталкивается с рядом юридических, этических и гуманитарных вызовов. Проблемы, такие как защита прав граждан, вопросы гуманитарного права, права беженцев и пострадавших от военных действий, становятся крайне актуальными. С этой точки зрения, исследование формирования правовой культуры приобретает особое значение, поскольку оно направлено на понимание того, какие механизмы и инструменты можно использовать для обеспечения соблюдения законов и норм в условиях конфликта.

Также следует учитывать, что в период войны происходит особенное воздействие на правосознание населения. Войны и конфликты могут влиять на

формирование коллективного сознания, изменять отношение к закону и правам, как на индивидуальном, так и на общественном уровне. В целом, актуальность этой темы состоит в стремлении понять, как обеспечить соблюдение прав и законов в условиях военных действий и как эти события влияют на формирование правовой культуры в обществе.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Проблеме формирования правовой культуры и правосознания населения в период войн и вооруженных конфликтов уделено внимание таких авторов, как С.С. Евсеев, В.О. Миронов, А.В. Ульянов, О.Х. Усмонова, Е.М. Шумкин и др. Тем не менее, дальнейшее исследование данной темы крайне важно, поскольку существует необходимость в более глубоком понимании влияния военных конфликтов на формирование правовой культуры и правосознания населения.

Цель исследования заключается в проведении теоретико-методологического анализа формирования правовой культуры и правосознания населения в период войн и вооруженных конфликтов.

Основные результаты работы. Вооруженный конфликт представляет собой состояние вооруженной борьбы, развертывающейся между государствами, национально-освободительными движениями, оккупантом и населением оккупированных территорий, а также в случае вмешательства сил Организации Объединенных Наций (ООН). Этот термин также включает в себя борьбу за отделение. Слово «война», в свою очередь, обозначает самую высокую форму вооруженного конфликта, происходящего между государствами или союзами государств. Война начинается и заканчивается путем совершения юридических актов, имеет особые правовые последствия, такие как прекращение или приостановление международных договоров [1, с. 52].

В условиях войн и вооруженных конфликтов возникает насущный вопрос о формировании правосознания и правовой культуры населения на территории, где разворачиваются военные действия. Эта неотложная задача обусловлена изменением обычного ритма жизни, увеличением уровня

опасности, нестабильной экономической ситуацией и ужесточением внутригосударственной политики и правовых норм. На фоне военных событий населению необходимо адаптироваться к новым условиям, в которых приходится функционировать общество, что влечет за собой не только физические, но и правовые аспекты, такие как соблюдение законов, прав и обязанностей граждан в условиях военного конфликта.

Правовая культура представляет собой сложный комплекс ценностей, норм, и принципов, которые формируют отношение людей к праву и правосудию. В условиях военных действий, где сталкиваются различные социокультурные и правовые системы, развивается специфическая динамика правовой культуры населения [5, с. 135].

Правовая культура в период войн приобретает формы, основанные на осознании населением своих прав и обязанностей в условиях кризиса. Гражданская ответственность, соблюдение законов и правил становятся ключевыми элементами формирования правовой культуры, направленной на поддержание общественного порядка и безопасности.

Сущность правовой культуры в военные периоды также связана с развитием правосознания. Граждане, осознавая необходимость соблюдения законов в условиях ограничений и угроз, становятся более ответственными за собственные действия и более чувствительными к правам и свободам как инструментам защиты интересов в условиях кризиса.

Разнообразие правовой культуры можно классифицировать по нескольким критериям. В частности, она делится на правовую культуру личности, социальной группы и общества. Правовая культура личности отражает степень и характер ее правового развития, включая осознанное правовое мышление и правомерное поведение. Правовая культура социальной группы определяется уровнем правосознания конкретной группы и ее реальным соблюдением правовых норм, а правовая культура общества представляет собой совокупность достижений в области права, выраженных в развитии правосознания, судебной практики и законодательной базы.

Кроме того, по уровню владения правовой культурой выделяют обыденную, профессиональную и теоретическую правовую культуры. Обыденный уровень характеризуется повседневным применением правовых знаний в жизни обычных людей, профессиональный уровень связан с глубоким пониманием права в конкретной области, а теоретический уровень представляет собой подвид профессиональной правовой культуры и характеризуется высоким уровнем абстракции и научной базой правовых знаний.

Важно подчеркнуть, что в период военных действий формирование правовой культуры связано не только с повседневной жизнью, но и с особенностями международного права и гуманитарного права. Взаимодействие с международными нормами влияет на понимание гражданами своих прав и обязанностей в контексте мировых конфликтов, формируя особую сущность правовой культуры в условиях военных действий.

В свою очередь, правосознание представляет собой систему представлений, убеждений и ценностей, связанных с правовыми нормами и институтами. В условиях военных действий, оно подвергается воздействию различных факторов, что отражается на восприятии и понимании правовых принципов обществом [4, с. 547].

Во времена войны, правосознание населения формируется под воздействием экстремальных обстоятельств и угроз безопасности. Граждане сталкиваются с необходимостью балансировать между соблюдением законов и обеспечением своей защиты. Это влияет на степень доверия к правовым институтам, а также на готовность соблюдения законов в условиях кризиса [3, с. 142].

Важным аспектом сущности правосознания в период военных действий является взаимодействие с понятием справедливости. Граждане стремятся к восприятию правосудия как инструмента защиты и урегулирования конфликтов в условиях нестабильности. Вместе с тем, формирование правосознания в военное время может также сопровождаться вызовами для

государственных структур, связанными с обеспечением соблюдения прав человека и гарантированием доступа к правосудию.

Правосознание в контексте военных действий также тесно связано с этическими и моральными аспектами. В условиях конфликта формируются новые парадигмы справедливости и законности, что отражается на восприятии обществом норм и ценностей, связанных с правом. Развитие правосознания в период военных действий требует внимания к особым условиям и вызовам, которые оно ставит перед индивидами и обществом в целом.

Структура правосознания включает в себя два основных элемента: правовую психологию и правовую идеологию. Первый этап, правовая психология, строится на оценке, чувствах, переживаниях и традициях индивидов в отношении правовой деятельности на бессознательном уровне. Этот элемент включает правовые чувства и переживания, правовые настроения и правовые представления. Правовые чувства проявляются в реакциях на события в правовой сфере, выражаясь в одобрении или негодовании. Правовые настроения формируются под влиянием событий в обществе и способны влиять на поведение людей. Правовые представления представляют собой определенные представления о праве, законности и других аспектах.

Второй элемент правосознания - правовая идеология - представляет собой систематизированное выражение правовой действительности в форме идей, принципов и суждений. Это ядро общественного правосознания, где закрепляется роль государства, а также интересы и цели общества. Правовая идеология формируется как результат сознательной деятельности юристов, философов и политиков [2, с. 9].

Важно отметить взаимосвязь между правовой психологией и правовой идеологией. Правовая идеология не имеет смысла без учета правовых реалий, которые индивиды воспринимают эмпирическим путем. Также, она обязана давать официальное толкование явлений, с которыми сталкиваются индивиды. Общественное воздействие и понимание правовых предписаний зависят от

взаимодействия этих двух сфер правосознания. В совокупности, они всесторонне отражают общественное бытие и оказывают активное воздействие на социальную жизнь общества.

Для успешного формирования правовой культуры и правосознания населения в период вооруженных конфликтов, государство должно предпринять ряд конкретных мер, охватывающих различные аспекты общественной жизни. В первую очередь, важно провести обширные образовательные кампании, направленные на распространение знаний о правах и обязанностях граждан в условиях военного конфликта. Эти образовательные и информационные инициативы могут включать в себя семинары, тренинги, публичные лекции и медийные кампании.

Одновременно с этим, важно активно поддерживать и развивать институты гражданского общества, в том числе правозащитные организации. Эти организации могут играть ключевую роль в мониторинге соблюдения прав человека в условиях конфликта, а также в предоставлении юридической помощи и консультаций по вопросам правопорядка.

Государственные органы также должны обеспечивать доступное и эффективное судебное разбирательство для решения правовых вопросов, возникающих в результате вооруженных конфликтов. Суды должны функционировать с соблюдением международных норм и стандартов, а их решения должны быть общедоступными и прозрачными.

Важной составляющей формирования правовой культуры является активное участие государства в восстановлении инфраструктуры и социальной сферы после завершения конфликта. Это включает в себя обеспечение доступа к образованию, медицинским услугам и жилью, создание условий для восстановления экономики и обеспечение рабочих мест.

Кроме того, государство должно акцентировать внимание на пропаганде ценностей мира, сотрудничества и уважения к правам человека. Это может включать в себя использование публичных кампаний, арт-проектов и

культурных мероприятий, направленных на формирование позитивных образцов поведения и ценностей в обществе.

Выводы. В условиях войн и вооруженных конфликтов формирование правовой культуры и правосознания населения представляет собой важную задачу, требующую комплексного и системного подхода со стороны государства. Организация образовательных кампаний, направленных на распространение знаний о правах и обязанностях, совместно с поддержкой институтов гражданского общества и судебной системы, играет ключевую роль. Помимо этого, активное участие государства в восстановлении социальной сферы, поддержка культурных инициатив, а также пропаганда ценностей мира и уважения к правам человека содействуют формированию стабильных основ и укреплению правовых норм в обществе. В целом, эти меры способствуют созданию благоприятной среды для развития правовой культуры и правосознания населения в периоды военных действий.

Список источников

1. Евсеев С.С. Идея гуманизма в международном гуманитарном праве: от древнего мира до принятия первых международных договоров // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – №1. – С. 51-61.
2. Миронов В.О., Зин Н.В. Правовая культура и правовое сознание // Аграрное и земельное право. – 2023. – №5 (221). – С. 8-11.
3. Ульянов А.В. О понимании справедливости как социального основания права // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2023. – №1. – С. 140-148.
4. Усмонова О.Х. Правосознание и правовые нормы // Экономика и социум. – 2021. – №11-2 (90). – С. 546-549.
5. Шумкин Е.М. Изменчивость правовой культуры в условиях негативных социальных явлений // Мир экономики и управления. – 2019. – №3. – С. 132-140.

УДК 341.39

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Мельниченко Юлия Станиславовна

кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Голубь Инна Константиновна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк
E-mail: innagolub76@gmail.com

***Аннотация.** Установлено систематическое нарушение прав человека в период вооруженных конфликтов. Определено, что нападения на медицинские учреждения грубо противоречат международным стандартам. Исследование выявило необходимость усиленных стратегий защиты прав человека в контексте военных действий.*

***Ключевые слова:** права человека, вооруженный конфликт.*

Постановка проблемы. Исследование обеспечения прав человека в период вооруженных конфликтов является чрезвычайно актуальным и важным в современном мире, где многие регионы сталкиваются с военными конфликтами и гражданскими войнами. В условиях вооруженных столкновений человеческие права часто нарушаются, и существует неотложная необходимость в изучении мер и механизмов для защиты основных свобод и гарантирования безопасности граждан. Подобные исследования способствуют выработке эффективных стратегий для предотвращения нарушений прав человека во время конфликтов, а также созданию механизмов восстановления и защиты прав пострадавших. Анализ этих вопросов не только помогает в разработке международных норм и стандартов, но и способствует формированию долгосрочных стратегий по созданию мира, обеспечению безопасности и защите основных прав и свобод человека в условиях конфликтов, что является важным элементом построения справедливого и устойчивого общества.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Исследования, посвященные общетеоретическим аспектам обеспечения прав человека, были проведены выдающимися отечественными учеными, такими как И.Н. Арцибасов, В.Н. Бутылин, В.А. Казакова, А. Кибальник, Г.И. Козырев, В.М. Корякин, Е.А. Лукашева, А. Павлинов, А.В. Панарин, Ю. Пудовочкин, А.Р. Рахманов, Н.И. Сальникова, Н.Н. Смирнова, В.В. Фуркало, О.Н. Хлестов, Д.В. Ходаковский, и другие.

Тем не менее, следует отметить, что вопросы защиты прав человека в период вооруженных конфликтов международного характера представлены в отечественной научной литературе довольно противоречиво. Недостаток теоретической разработанности данной темы, при ее одновременной высокой практической значимости для граждан и соответствующих государственных структур, определили выбор данной темы для проведения исследования.

Цель исследования заключается в теоретико-правовом анализе обеспечения прав человека в период вооруженных конфликтов.

Основные результаты работы. Права человека представляют собой фундаментальные нормы, неотъемлемые от развитого общества, включающие в себя набор основных свобод и гарантий. Особенно важным является принцип обязанности государства обеспечивать эти права каждому человеку на своей территории. Среди них выделяются право на жизнь, свободу, честь и достоинство. Однако, даже в наше время, где прогресс и цивилизация стремятся к высоким стандартам, эти права могут оказаться нарушенными в условиях вооруженных конфликтов [1, с. 133].

Понятие вооруженного конфликта, как таковое, было впервые закреплено в 1-й Женевской конвенции от 12 августа 1949 года [2]. В статье 2 этого документа отмечается, что конвенция применяется в случае объявления войны или всякого другого вооруженного конфликта между двумя или несколькими высокими договаривающимися сторонами. Это распространяется даже на случаи, когда одна из сторон отказывается признать состояние войны.

Таким образом, вооруженный конфликт представляет собой ситуацию, при которой две или более вооруженные стороны сталкиваются друг с другом.

Неотъемлемой частью истории человечества являются вооруженные конфликты, протекающие с древних времен. И даже в этих отдаленных эпохах существовало проявление заботы о жертвах таких конфликтов. Археологические находки из периода неолита свидетельствуют о том, что даже в те времена применялись методы лечения переломов и даже такие сложные процедуры, как трепанация черепа, что указывает на заботу о жизни и здоровье даже в условиях военных действий.

Из рассмотренного выше становится ясно, что даже при отсутствии четкого юридического закрепления прав человека в период вооруженных конфликтов, существовала необходимость и практика обеспечения этих прав в какой-то форме. Начиная с XVI века, военная практика привела к формированию системы соглашений между командующими армиями, включая положения о правилах обращения с женщинами и об уходе за ранеными воинами. Однако, подлинное стремление к гуманному обращению с гражданским населением, участвующим в боевых действиях, началось формироваться лишь в XIX веке.

В контексте России, во время Крымской войны, возникла Крестовоздвиженская община сестер милосердия под руководством известного русского хирурга Пирогова. Эта община активно оказывала помощь раненым на поле боя, что стало важным этапом в развитии гуманного обращения с пострадавшими в условиях военных действий.

В 1864 году, проведенная Швейцарией дипломатическая конференция, привела к подписанию Конвенции о защите раненых и больных во время войны [3] 12 государствами. Этот исторический документ, более известный как Женевская конвенция, стал первым в истории международного гуманитарного права. Россия, в числе более 60 государств, присоединилась к этой конвенции, подтверждая свою готовность соблюдать принципы гуманитарного обращения в условиях вооруженных конфликтов.

События Гаагской конференции 1899 года и принятие Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны [4] сыграли ключевую роль в развитии международного гуманитарного права. В этот период также выделяются Женевская конференция 1906 года и последующая конференция в 1929 году в том же городе. С конца XIX века по начало XX века Россия активно внесла свой вклад в становление этой области права. Примером является конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, предложенная выдающимся русским юристом и дипломатом Ф.Ф. Мартенсом и принятая российским правительством [5].

Формирование всестороннего свода законов, основанного на инициативах Организации Объединенных Наций, представляет собой значительный прогресс в сфере прав человека. Организация выработала широкий спектр признанных международно прав, включая гражданские, культурные, экономические, политические и социальные права. Устав ООН [6] и Всеобщая декларация прав человека, принятые в 1945 и 1948 годах [7] соответственно, служат фундаментом этого законодательного комплекса. Всеобщая декларация прав человека закрепила ключевые принципы, обязывающие все страны твердо соблюдать и реализовывать данные права. Соблюдение этих принципов свидетельствует о развитии государства и его соответствии с современными требованиями.

К сожалению, не все страны и их граждане соблюдают те принципы, которые заключены в Женевской конвенции и Всеобщей декларации прав человека. Международное гуманитарное право предусматривает особое отношение к раненым в период военных конфликтов. Согласно этим стандартам, раненые должны быть незамедлительно эвакуированы с поля боя и получить уход и медицинскую помощь от контролирующей территории стороны. Транспорт, учреждения и медицинский персонал, вовлеченные в предоставление помощи, имеют право на защиту.

Атаки на врачей, медсестер, санитаров, лазареты, госпитали, санитарные поезда и корабли категорически запрещены нормами международного

гуманитарного права. Однако, несмотря на эти запреты, медицинские учреждения и их персонал часто становятся объектами нападений в период военных действий. Примером служит инцидент с российским полевым госпиталем в Алеппо (Сирия) 5 декабря 2016 года. В результате обстрела погибли две медсестры, врач получил серьезные травмы, а пациенты больницы также пострадали. Это нападение является грубым нарушением международного гуманитарного права [8].

Российская Федерация принимает активное участие во многих международных договорах, направленных на регулирование и соблюдение международного гуманитарного права. Это означает, что страна обязуется не только подписывать эти соглашения, но и строго следовать их положениям в самых разнообразных обстоятельствах. Международное гуманитарное право, в частности, ставит перед государствами задачу эффективной охраны и защиты прав человека, особенно в периоды вооруженных конфликтов.

Проблематика охраны и соблюдения прав человека в условиях военных действий стала глобальным вопросом, касающимся не только интересов мирного населения в контексте разнообразных внешнеполитических сценариев, но также участников боевых действий и мирового сообщества в целом. Участие России в международных соглашениях этой области подчеркивает стремление страны соблюдать высокие стандарты в области прав человека, даже когда речь идет об условиях вооруженных конфликтов.

Это участие в международных договорах и соглашениях также отражает стремление России содействовать развитию и укреплению норм международного гуманитарного права, что способствует формированию ответственного и гуманного образа ведения военных действий. Таким образом, Россия демонстрирует готовность придерживаться принципов гуманитарного права в различных контекстах и внутригосударственных обстоятельствах, подтверждая свое стремление к соблюдению стандартов прав человека, даже в условиях, когда противостояние переходит в активные военные действия.

Выводы. Обеспечение прав человека в период вооруженных конфликтов представляет собой критически важный аспект международного гуманитарного права. Несмотря на наличие юридических норм, таких как Женевская конвенция и Всеобщая декларация прав человека, реальность свидетельствует о том, что не все государства и их граждане следуют этим принципам в условиях военных действий. Особое внимание уделяется защите раненых и медицинскому персоналу, однако даже медицинские учреждения становятся мишенями нападения.

Участие Российской Федерации в международных договорах по международному гуманитарному праву подчеркивает готовность страны соблюдать стандарты прав человека даже в условиях военных конфликтов. Глобальная проблематика этой темы затрагивает не только интересы мирного населения, но и участников боевых действий, а также требует всемирного внимания и солидарности в обеспечении гуманитарной защиты в условиях конфликтов.

Участие государств в таких соглашениях отражает их стремление к развитию и укреплению норм международного гуманитарного права, создавая основу для ответственного и этичного поведения в военных сценариях.

Список источников

1. Нурисламов А.Ф., Кадикова А.А. Обеспечение и защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №12-4. – С. 132-134.
2. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны: принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml. – Дата обращения: 09.01.2024. – Загл. с экрана.
3. I Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967405%40egNPA. – Дата обращения: 09.01.2024. – Загл. с экрана.
4. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>. – Дата обращения: 09.01.2024. – Загл. с экрана.

5. IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA. – Дата обращения: 09.01.2024. – Загл. с экрана.

6. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter>. – Дата обращения: 09.01.2024. – Загл. с экрана.

7. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата обращения: 09.01.2024. – Загл. с экрана.

8. СМИ узнали о гибели российской медсестры в Алеппо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2016/5845567d9a794701634f6e7f>. – Дата обращения: 09.01.2024. – Загл. с экрана.

УДК 1(091)

ЕДИНСТВО ФИЛОСОФИИ И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Миргородский Андрей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии
ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Петриченко Влада Андреевна

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк

Свибильская Алина Геннадиевна

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк

***Аннотация.** В работе исследуется взаимодействие философии и права как общественных феноменов. Право как форма общественного сознания сформировалась на основе философии. Философия и право, будучи близко связанными компонентами социальной системы, отвечают друг другу по уровню общекультурной развитости и являются одними из главных звеньев в системе социальных трансформаций.*

***Ключевые слова:** научно-технический прогресс, общество, право, философия, формы общественного сознания.*

Постановка проблемы. Философия сегодня, в драматическое и сложное время, должна давать ответы на самые актуальные вопросы. Столетия между философами идут споры по поводу полезности научно-технического прогресса. На каждом этапе развития философской мысли возникает вопрос о нужности философии в свете стремительного развития науки.

Научно-технический прогресс не может развиваться отдельно от философии, поэтому потребность в философии существовала всегда и существует. Без философии научно-технический прогресс был бы невозможен: обобщая данные всех наук, философия вводит в обиход, определяет понятия, категории, законы, используемые всеми науками.

Философия – это наука о «вечных» ценностях бытия. В древности, когда жизнь человека проходила без тех материальных благ, которые помогают существовать современному человеку, она была наполнена смыслом и

постоянной межвидовой борьбой. Философию можно квалифицировать как науку, которая объясняет смысл жизни человека, поэтому она никогда не потеряет своей актуальности. При этом искусственный интеллект не может заменить философию для человека. Даже если представить в самом фантастическом сценарии, что искусственный интеллект обретет способность к рефлексии, то это будет рефлексия прежде всего человеческого мышления.

Философия жизненно необходима каждому человеку, потому что она создает ценностные смыслы на уровне как каждого отдельной личности, так и в планетарном масштабе в целом. Философия приобретает актуальность особенно в наше сложное время в условиях господства современной технократической цивилизации.

Анализ последних исследований и публикаций. История эволюции философско-правовых идей показывают, что их связь носит стабильный характер [1-5]. Философия создает мировоззренческие ориентиры для индивида и общества, опираясь на анализ права. Право включает в себя связь всех сфер общества, преобразовывает эталоны духовной культуры в нормы поведения людей, тем не менее, не может действовать без философско-метафизической базы. Основной формой связи права и философии стали философско-правовые учения, которые ориентируются на философское видение мира, а также обобщают многочисленные конкретные юридические науки.

Цель исследования. Цели статьи состоят в том, чтобы определить, каким образом философия и право представляют собой две универсально значимые категории в контексте реализации общих целей и в условиях общественных преобразований.

Основные результаты исследования. Значимость права в жизни человека и общества не просто огромно, а очень огромно. Являясь мощным регулятором общественных отношений, оно фиксирует основы имеющегося уклада жизни. Устанавливая права и обязанности конкретных личностей, организаций, право вносит некоторое устройство в гражданское общество и

государство, организывает предпосылки для их активности и эффективной реализации.

Роль права в жизни общества прежде всего находит выражение в том, что нормы права осуществляют его регулятивную функцию. То есть с их помощью гарантируется общий порядок в социально-экономических отношениях. Достигается это тем, что государство ставит всеобщие для всех участников отношений права и обязанности. С помощью иных норм права исполняется охранительная функция права, заключающаяся в том, что государство защищает от посягательств на жизнь, здоровье людей, их имущество, предъявляя меры ответственности за убийство, кражу, причинение вреда здоровью и другие опасные для общества деяния.

При этом следует помнить, что в прежние эпохи право как система определенных государством общеобязательных правил и норм поведения выражало и защищало прежде всего интересы экономически главенствующих классов (рабовладельцев, феодалов, капиталистов). При этом даже в эти исторические времена право имело современное значение, являясь самобытным аккумулятором цивилизационной культуры. Оно ограничивало произвол единичных представителей господствующего класса. Например, в Древнем Риме, раб, находясь в полной принадлежности господина-рабовладельца, рассматривался как вещь. Но при этом рабовладелец не мог безнаказанно лишить своего подчиненного жизни.

Право как средство ограничений, действующее в интересах государства и общества, всегда лучше, чем хаотичная анархия или общество, в котором царят произвол и анархия. Даже в самые древние эпохи право не только предохраняло классовые интересы, но и обеспечивало наличие общества как такового. Но в абсолютной мере главный потенциал права может быть реализован только в условиях сильного правового демократического государства.

Кульминация развития справедливого права – это характерный признак достигнутой культуры обществом. При этом целью правового регулирования

является упорядочение общественных отношений, причем не только их стабильность, но и последующее развитие, необходимое в общественных интересах. Это значит, что политические, экономические и другие реформы в социуме исполняются посредством права.

Недооценка значимости права в жизни общества, которая называется правовым нигилизмом, может нанести серьезный ущерб обществу. Но, с иной стороны, не менее опасен и характер видеть в праве какую-то сверхъестественную силу. Нужно понимать, что потенциал права не безграничен. Скажем, нельзя решить проблему борьбы против пьянства, алкоголизма, наркомании за счет исключительно правовых запретов, потому что это не только юридическая проблема. То есть одними законами ее не решить. Здесь необходим целый комплекс социально-экономических, медицинских и правовых мер, которые должно проводить государство вместе с обществом.

Философия и право вместе устремляются к пониманию сущностных основ человеческого бытия. С одной стороны, философия создает мир человеческих ценностей, наполняя содержанием такие понятия, как культура, истина, красота, добро, справедливость. С другой стороны, право придает этим категориям актуальное содержание, объединяя с общественной волей и властью и давая реальную силу.

Известно, что в истории философии трудно найти философа, который бы не обращался к проблемам права. О понимании мыслителями огромной роли философии для права говорит, например, тот факт, что Аристотель на вопрос о выгоде от философии ответил, что стал делать добровольно то, что другие делают в страхе перед законом.

Итак, право регулирует общественный долг за счет действующего законодательства, так как несоблюдение социальных норм преследуется законом, а наказание влечет за собой подрыв нравственного состояния человека, который содеял неправомерный поступок.

Философия охватывает все сферы жизнедеятельности и тем самым регулирует общественное поведение, так как включает в себя обоснование и формирование нравственных ценностей у людей. Таким образом, мы получаем то, что философия является регулятором социального порядка и морального долга.

Выводы. Таким образом, философия и право как феномены социального бытия очень тесно взаимосвязаны друг с другом. Эти формы общественного сознания имеют огромное воспитательное значение для современного общества в условиях его существенных трансформаций. При этом невозможно решать социальные проблемы без участия в них философской компоненты, потому что философия – это наука о жизни, а право – это наука о регулировании жизненных и общественных норм.

Список источников

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – 251 с.
2. Афонасин Е.В., Дидикин А. Б. Философия права: Учеб. пособие / Е.В. Афонасин, А.Б. Дидикин. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 92 с.
3. Брокгауз Ф.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь: современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; [подгот. текста: В. Людвинская и др.]. – Москва: Эксмо, 2008. – 104 с.
4. Морозова Л.А. Теория государства и прав: учебник / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 464 с.
5. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

УДК 327.51

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ И АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Митько Надежда Валерьевнаассистент кафедры государственного управления и права
ФГБОУ ВО «МГУ имени А.И. Куинджи», г. МариупольE-mail: nadin.mitko08@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятия «агрессивная война» и «военный конфликт» с близкими по значению терминами и категориями: «война», «военный конфликт» и «вооруженный конфликт». Определено, что ведение агрессивной войны составляют одну из основных угроз как для национальной, так и для международной безопасности.*

***Ключевые слова:** война, военный конфликт, агрессивная война, вооруженный конфликт.*

Постановка проблемы. На сегодняшний день война является одной из главных угроз национальной безопасности и международной безопасности в целом. Понимание происхождения войн и исторических событий требует нового понимания таких понятий, как агрессивная война и военный конфликт. Вопрос о военных преступлениях, военных конфликтах и применении силы государствами, его пределах и законности остается актуальным как для национальной, так и международной правовой теории и практики. Непризнание четкой границы между миром и войной приводит к разрушительным последствиям для тех государств, на территории которых разворачивается военный конфликт. Поэтому все стороны, вовлеченные в такой конфликт или в процесс его урегулирования, как отмечает Герасимов А.В. «должны не только оперировать однопорядковыми категориями, но и видеть в них одинаковый смысл» [1]. Трудности в определении понятий «агрессивная война» и «военный конфликт» как в международном, так и национальном праве обусловлены проблемой неоднозначности их толкования и наличием огромного количества близких по значению понятий, таких как вооруженный конфликт, война, вооруженное столкновение, агрессия,

конфликтная ситуация, и тому подобное. Поэтому считаем целесообразным раскрыть содержание указанных дефиниций, а также рассмотреть соотношение некоторых понятий.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. В последние годы в научной литературе существуют различные точки зрения на данную проблематику, что объясняется разницей в трактовке содержания понятий «агрессивная война» и «военный конфликт». Для изучения указанных определений целесообразно обратиться к научным трудам отечественных ученых, таких как: С.Ф. Денисов, С.В. Глотова, Е.В. Гороховская. Среди западных ученых, которые всесторонне исследовали условия, причины и факторы возникновения и ведение войны, её специфику, стадии развития и функции в обществе, можно отметить: Г. Гроций, Л. Оппенгейм, Герхард Верле, Х.-П. Гассер. Несмотря на значительное количество научных изысканий по данной проблематике, она остается весьма актуальной, имея как теоретическое, так и практическое значение.

Цель исследования – проанализировать терминологические особенности понятий «агрессивная война» и «военный конфликт» в аспекте правового регулирования вооруженных конфликтов.

Основные результаты исследования. Исторические сведения указывают на постоянное развитие новых методов ведения вооруженных конфликтов, которые часто сопровождаются применением насилия. Решение конфликтов путем применения силы остается одной из характерных черт современного мира. Конфликты в XXI в. приобретают различные формы: вооруженные инциденты, военные акции, военные конфликты, вооруженные конфликты и т. д. Исторически первым был термин «война», однако он по-разному трактовался учеными. Так, Гуго Гроций отмечал, что война есть соревнование силой, исключительно только вооруженное столкновение государств [2, с. 68]. Военный теоретик Карл Клаузевиц считал, что война является продолжением политики другими, насильственными средствами [3].

Английский ученый Л. Оппенгейм справедливо отмечал, что «война» есть столкновение между двумя или большим количеством государств, осуществляемое с помощью применения их вооруженных сил, в целях преодоления друг друга и принуждения побежденного одержим победой принять условия мира, желанные победителю [4, с. 230]. Таким образом, термин «война» понимается исключительно как противостояние с использованием «классического» оружия: огнестрельного, холодного, зажигательного, метательного, ракетного оружия, артиллерийского вооружения и оружия массового поражения (ядерной, химической, биологической). Наряду с рассматриваемым понятием все чаще начинает использоваться другой термин – «военный конфликт». С позиции международного права военный конфликт – это форма решения межгосударственных и внутригосударственных противоречий с двусторонним использованием военного насилия [5, с. 38].

В этом определении можно проследить значимое тождество с трактовкой термина «война». Следует отметить, что сегодня в современном международном праве термины «война» и «военный конфликт» используются как синонимы. В данном случае важно обратить внимание не только на широко используемые термины, но и на их фактическое сходство и синонимичность. Наибольшее внимания заслуживает термин «вооруженный конфликт». В Женевских конвенциях 1949 г. наряду с термином «война» используют выражение «международный вооруженный конфликт» и «не международный вооруженный конфликт».

В законодательных актах может использоваться различная терминология для описания преступности актов агрессии. Тем не менее, в международном праве общепризнанной трактовкой термина «агрессия» считается незаконное применение силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства. Однако, нет сомнений в том, что понятия «агрессия» и «агрессивная война» тождественны, что прямо вытекает из

норм международного права [6, с. 35; 7, с.10]. Эти понятия являются основополагающими для международного права и регулируются соответствующими нормами и договорами.

Проанализировав определение «агрессии», принятое в доктрине международного права, можно с уверенностью утверждать, что оно является синонимом определению понятия «война», рассмотренное выше. Можем сделать вывод, что такие термины, как «война», «военный конфликт», «агрессивная война», «агрессия», используемые для описания преступных действий, направленных на насильственное нарушение территориальной целостности других государств, содержательно схожи между собой и поэтому можно говорить об их тождестве.

Выводы. В настоящее время, исходя из положений различных международных документов, понятие «агрессия» полностью охватывает существующие понятия «война» и «агрессивная война». Сегодня вооруженные конфликты представляют собой не только вооруженно-техническое противостояние (война, военный конфликт), но и противостояние на политическом, информационном, экономическом, культурном фронтах без применения традиционного оружия. Термин «вооруженный конфликт», в силу своей многофакторности, действительно может наиболее полно охватывать различные формы современных конфликтов.

Список источников

1. Герасимов А.В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: Политико-правовой анализ [Электронный ресурс] // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – №3 / КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-vooruzhennye-konflikty-v-sovremennom-mire-politiko-pravovoy-analiz>. – Дата обращения: 18.03.2023. – Загл. с экрана.
2. Гроций Г.О праве войны и мира. / Г.О. Гроций. – Москва: Ладомир, 1994. – 868 с.
3. Зоткин А.А. Война, политика и мир в трактовке К. Фон Клаузевица [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2019. – №2 / КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-politika-i-mir-v-traktovke-k-fon-klauzevitsa>. – Дата обращения: 18.03.2023. – Загл. с экрана.
4. Оппенгейм Л. Международное право. Том II: Война. Нейтралитет. Полутом 2 / Л.Оппенгейм; перевод с английского А.А. Санталова и В.И. Шиганского. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 498 с.

5. Закомолдин Р.В. Преступления против военной службы и военные преступления: Словарь-справочник. – М.: NOTA BENE, 2010. – 118 с.
6. Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за агрессию. Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 35-37.
7. Малахова О.В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву : автореферат дис. ... к.ю.н. : 12.00.08 / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2003. – 25 с.

УДК 342.3

ПРОБЛЕМАТИКА ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ КАК НЕТИПИЧНОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

Свиридова Кристина Евгеньевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Чебанов Кирилл Андреевич

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк
E-mail: kirill.chebanov42@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ военной диктатуры как нетипичной формы правления: особенности, отдельные аспекты механизма функционирования, возможные причины ее возникновения, общественные последствия.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, форма правления, нетипичные формы правления, военная диктатура, политический режим

Форма правления является одной из ключевых характеристик государства, которая в совокупности с государственным устройством и политическим режимом образует форму государства. В XIX–XX вв. наряду с классическими формами правления стали формироваться новые, как симбиоз признаков в системе органов власти уже известных формы и новых, которые нельзя отнести ни к монархиям, ни к республикам, что способствовало активизации научных дискуссий и исследований, освещающих проблематику так называемых «нетипичных форм правления». Современная политическая картина мира, с учетом глобальности действия мировых деструктивных

факторов, обуславливает актуальность и своевременность исследования одной из таких форм – военной диктатуры, имеющей, кроме того, низкую степень научной исследованности. Анализ теоретических аспектов военной диктатуры позволит не только выявить ее особенности и последствия, но и обозначить исторические, экономические и социально-политические предпосылки ее обуславливающие, что в свою очередь, даст возможность выработать механизм по предотвращению появления и укрепления такой формы правления.

Проблематика исследования форм правления стала предметом научного интереса таких ученых, как Л.П. Рассказова, А.В. Юрковского, В.Е. Чиркина, А.А. Клишаса, Л.Р. Симонишвили и других. Исследованиям по доктринальному обоснованию обозначенного явления в юридической науке посвящены работы Г.А. Удодова, А.С. Бадминовой, Т.А. Абдулмуталиновой, Е.С. Турянской и других отечественных и зарубежных ученых.

Целью данного исследования является проведение теоретико-правового анализа особенностей военной диктатуры как нетипичной формы правления, отдельных аспектов механизма функционирования, выявление возможных причин ее возникновения, и последствий для общества.

Представляется целесообразным начать исследование с рассмотрения особенностей военной диктатуры как нетипичной формы правления.

В первую очередь отметим, что основу и движущую силу президентско-милитаристских республик (военных диктатур) составляет армия. Главы таких государств не избираются населением или представительными органами, а провозглашаются соратниками диктатора по военному перевороту, составляющими революционный (национальный, военный) совет, народный фронт, комитет национального освобождения или иной орган. Например, Аргентина при генерале Перроне, Чили при генерале Пиночете, Ирак при Хусейне и др. [1, с. 195]. Оправдывают свое правление военные диктатуры установлением стабильности в политической жизни государства, «спасением» ее от угрозы «опасных идеологий».

Одной из практически универсальных характеристик военного правительства является применение военного положения или постоянного чрезвычайного положения [2, с. 20]. Можно констатировать, что введение военного положения либо постоянного чрезвычайного положения, а также воздействие через репрессированные меры, создает необходимые для существования военного режима условия в государстве – «борьба с угрозой (внутренней или внешней)», что дает возможность масштабного контроля над населением, «обоснованное» ограничение отдельных прав человека (свобода передвижения, свобода переписки, свобода коммуникации, право на достоверную информацию и т.п.), устранение с политической арены политических оппонентов (конкурентов), тем самым сохраняя и укрепляя власть.

Диктатура всегда персонифицирована и ассоциируется с конкретным лидером, часто именуемым диктатором (от лат. dictator – временный экстраординарный правитель с чрезвычайными, иногда неограниченными полномочиями) [3, с. 10-11].

Военная диктатура может быть, как легальной, при которой верховная власть военных легализована законодательно, так и нелегальной, при которой военные, формируют структуру (систему) режима, формально подчиняются гражданскому правительству. Существуют также формы военной диктатуры, в которых военные оказывают сильное влияние, но не единовластно контролируют ситуацию [2, с. 20].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что органы, через которые осуществляется военная диктатура, могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и страны, однако в общих чертах при установлении военной диктатуры власть реализуется либо единоличным военным лидером, занимающим должность главы государства или председателя правительства, либо комитетом, состоящим из нескольких офицеров (часто из высшего руководства вооруженных сил, занимающих ключевые должности в правительстве), назначивших своих представителей на важнейшие

государственные посты, включая правительство, судебную систему и военные силы, обеспечивая свою власть над обществом.

Также следует отметить, что некоторые исследователи рассматривают военную диктатуру в качестве вида политического режима государства.

Так, А.С. Бадминова рассматривает военную диктатуру как политический режим государства, власть в котором была захвачена военными посредством государственного переворота, или же вследствие назначения военного диктатора [4, с. 97]. В свою очередь Т.А. Абдулмуталинова полагает, что военная диктатура является «наиболее жестким выражением политического режима» [3, с. 10].

Однако мы считаем, что военную диктатуру, прежде всего, следует рассматривать как форму правления, т.е. как способ осуществления государственной власти, характеризующий правовое и организационное положение высших органов государственной власти и порядок их образования, который, в свою очередь, влечет за собой изменение политического режима на авторитарный либо тоталитарный.

Перейдем к анализу основных причин и предпосылок установления военной диктатуры как нетипичной формы правления.

Специфическая форма правления в каждом конкретном государстве, как отмечает В.Е. Чиркин, определяется воздействием различных факторов, включая национальные традиции и обычаи, религиозный и национальный состав населения, соотношение социальных и политических сил, уровень культуры (особенно в правовой сфере), зарубежный опыт и другие факторы [5, с. 111]. Такая форма правления, как военная диктатура, имеет широкое распространение в тех регионах планеты, где существует острая социальная напряженность и политическая нестабильность. Часто неспособность существующих политических сил обеспечить желаемые обществом преобразования способствует некоторой легитимации власти военных, особенно при успехе проводимых ими управленческих мероприятий [6, с. 39].

Таким образом, среди причин, которые приводят к возникновению военных диктатур, можно выделить политическую нестабильность, экономический кризис, социальные волнения в государстве, внешние угрозы. Одним из основных факторов установления военных диктатур являются затяжные вооруженные конфликты, либо их угроза, когда военные лидеры получают значительную власть и контроль над государством.

На сегодняшний день в юридической науке не сложилось единого понимания относительно трактовки термина «вооруженный конфликт». Вместе с тем, как справедливо отмечает Т.В. Кувырченкова «''вооруженный конфликт'' охватывает любую ситуацию, независимо от ее правовой квалификации, в которой две стороны противостоят друг другу с оружием в руках». Очень часто вооруженные конфликты связывают с возникшими политическими противоречиями между политическими образованиями – государствами, племенами, политическими группировками и т. д., происходящими в форме вооружённого противоборства, военных (боевых) действий между их вооружёнными силами [7, с. 240-242] в целях захвата, установления и/или удержания власти. Безусловно, конкретные причины возникновения военных диктатур зависят от конкретного государства, его уникального исторического, политического и социального контекста.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что под военной диктатурой следует понимать способ осуществления государственной власти, при котором власть реализуется либо единоличным военным лидером, либо комитетом, состоящим из нескольких военных офицеров, которые занимают ключевые должности в высших органах государственной власти, после чего назначают своих представителей на наиболее важные государственные посты, обеспечивая тем самым свою власть над обществом.

Можно выделить следующие признаки, характерные для военной диктатуры:

- 1) осуществление государственной власти военными лицами с опорой на армию;

2) концентрация всей полноты власти в руках военного лидера, либо группы военных офицеров, которые занимают ключевые должности в высших органах государственной власти;

2) применение военного положения или постоянного чрезвычайного положения;

3) ограничение политических прав и свобод человека;

4) применение государственным аппаратом репрессий и осуществление террора по отношению к населению государства;

5) устранение с политической арены оппонентов (конкурентов).

Причинами возникновения военных диктатур являются политическая нестабильность, экономический кризис, социальные волнения в государстве, внешние угрозы. Одним из основных факторов обычно выступают затяжные вооруженные конфликты, во время которых военные лидеры получают значительную власть и контроль над государством, становясь диктаторами.

Установление военной диктатуры может иметь серьезные негативные общественные последствия, такие как распад социальных организаций и демократических институтов, ограничение гражданских свобод, усиление репрессий и нарушений прав человека, а также экономический упадок.

Также, необходимо отметить, что военная диктатура может возникнуть при любых видах политических режимов, так, например, вследствие наделения чрезвычайными полномочиями главы государства в период острого внешнего или внутривнутриполитического кризиса, либо вследствие насильственного военного переворота, но при этом влечет за собой установление либо авторитарного, либо тоталитарного политических режимов.

Список источников:

1. Юрковский А.В. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 620 с.

2. Турянская Е.С. Правовая природа и признаки нетипичных форм правления // Экономика, социология и право. – 2019. – № 3. – С. 19-23.

3. Абдулмуталинова Т.А. Военная диктатура как разновидность авторитаризма // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 10–11.
4. Бадминова А.С. Проблемы функционирования недемократических режимов // Лучшая научная работа 2023: сборник статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 января 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 96-98.
5. Чиркин В.Е. Нетипичные формы государственного правления // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 109-115.
6. Удодов Г.А. Военная диктатура как форма правления белых квазигосударств России (1917-1922). Историко-правовой аспект // Закон и право. – 2021. – №1. – С. 39-43.
7. Кувырченкова Т.В. К понятию вооруженных конфликтов: проблемы определения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 4. – С. 240-246.

УДК 343

ДИАЛЕКТИКА УГОЛОВНО–ПРАВОВЫХ НОРМ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Каленюк Ирина Александровна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк к

E-mail: irinakalenuyk@yandex.ru

***Аннотация:** В статье предпринята попытка определения диалектики уголовно–правовых норм в контексте вооружённых конфликтов. Автор приходит к выводу, что правовой системе государства в период вооружённых конфликтов должна быть присуща исключительная гибкость, позволяющая достигнуть баланса интересов в обеспечении безопасности и справедливости.*

***Ключевые слова:** диалектика уголовно–правовых норм, вооружённый конфликт.*

В условиях общемировой и внутригосударственной нестабильности (в т.ч. в связи с перерастанием конфликтов в вооруженные столкновения) особую актуальность приобретают вопросы диалектики правовых норм.

Следует отметить, что в юридической науке тема диалектики правовых норм в целом и уголовно–правовых норм в частности в период вооружённых конфликтов, по нашему мнению, раскрыта не в полной мере. Достаточное число научных работ направлено на исследование вопросов влияния СМИ, правовой культуры и т.п. на общество и государство в период вооружённых конфликтов (например, работы таких авторов, как Т.К. Демидовой, О. Кхадура, Л.Ю. Медовкиной и др.). Тема же влияния вооруженных столкновений на развитие уголовного законодательства, практически не затрагивается.

Диалектика в праве – научно–философское правовое учение о наиболее общих закономерностях и законах развития государственно–правовых явлений и процессов в обществе; об общих закономерностях государственно–правовых связей. Правовая диалектика рассматривает процессы становления, эволюции и развития, функционирования государства и права, в частности сущность их государственно–правовых процессов, происходящих в обществе [2, с. 120].

Из приведённого следует, что исследование диалектики уголовно–правовых норм находится в неразрывной связи с пониманием степени влияния и эффективности уголовно–правовых норм в условиях вовлеченности государства в вооруженный конфликт, влияния СМИ, правовой культуры населения и иных факторов.

В связи с вышеизложенным, автором была поставлена цель в определении диалектики уголовно–правовых норм в контексте изменения отечественного законодательства в период вооружённых конфликтов.

Начало исследования считаем целесообразным начать с определения понятия «вооружённый конфликт». В юридической науке встречается определение понятия вооруженного конфликта, как типа военного конфликта, представляющего собой форму разрешения социально–политических, территориальных, национально–этнических, религиозных и других противоречий с применением средств вооружённой борьбы ограниченного

масштаба, в котором преследуются частные военно–политические цели и государство не переходит в состояние войны [1].

Важно отметить, что вооружённые конфликты являются причиной кардинальной смены приоритетов в обществе, кризисов всех основных систем, отвечающих за правопорядок в государстве. Эта многоаспектная проблема несёт в себе изменение не только права, но и иных регуляторов общественных отношений, играют важную роль в мирное время: мораль, этические нормы, различные традиции и т.п. В период вооружённых конфликтов у человека отмечается изменение привычного ему мировоззрения, восприятия ценностей и устоявшихся в обществе принципов, что, оказывает существенное влияние на его поведение и усиливает значение норм права (особенно уголовно–правовых норм).

С одной стороны, вооруженный конфликт любого уровня и направленности сам по себе является вызовом для правовой системы. Потребность в поддержании общественного порядка и безопасности при вооружённых столкновениях способствует адаптации уголовно–правовых норм к экстремальным условиям. В такой обстановке, государством могут временно вводиться чрезвычайные меры и ограничиваться определенные права и свободы граждан, ужесточаться наказания за несоблюдение норм с целью обеспечения общественной безопасности.

С учетом резкого обострения действия деструктивных факторов и угроз в социально–политической и экономической сферах внутри государства, вызванных, прежде всего, с проведением Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции, и беспрецедентными экономическими санкциями, введенными в отношении России, так называемыми, «недружественными государствами» (США, странами ЕС и др.), внесение в сентябре 2022 г. в действующее уголовное законодательство Российской Федерации кардинальных изменений и дополнений было вполне ожидаемым и в целом криминологически обоснованным [4, с. 36]. Обозначим их.

Во-первых, ужесточили ответственность за совершение отдельных составов преступлений, связанных с прохождением службы в рядах Вооружённых Сил Российской Федерации, в период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или боевых действий.

Во-вторых, было установлено, что уголовная ответственность за неисполнение приказа в период военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или боевых действий наступает вне зависимости от последствий данного деяния. Также в этой ситуации наступает ответственность за отказ от участия в военных или боевых действиях.

В-третьих, установлено, что граждане во время прохождения военных сборов несут ответственность за самовольное оставление части или места службы наравне с военнослужащими-контрактниками.

В-четвертых, ввели новые составы преступлений – добровольная сдача в плен и мародерство [3].

Указанные изменения обусловлены необходимостью обеспечить дисциплину в рядах военнослужащих граждан, соблюдение ими требований законности и морали, а также безопасность мирных жителей.

Как уже нами было отмечено, в период боевых действий происходит размывание границ между такими понятиями как «мораль» и «аморальность», «справедливость» и «несправедливость», «гуманность» и «жестокость», из-за чего вопрос обозначения того, что «правильно» и «неправильно» в уголовном законодательстве является особо острым и проблемным.

Следует понимать, что преступления против военной службы могут быть чреваты необратимыми последствиями не только для того региона, территории, где непосредственно идут вооружённые столкновения, но и для целого государства. Совершение этих преступлений создаёт серьёзную угрозу для безопасности и обороноспособности государства в целом, а их предотвращение имеет стратегическое значение. Именно по этой причине со стороны государства предпринимаются различные меры, направленные на

урегулирование отношений среди субъектов, принимающих участие в конфликте.

С другой стороны, соблюдение основных принципов правового государства и защита прав и свобод человека остаются неотъемлемыми, даже в условиях боевых действий. Уголовно–правовые нормы должны быть сформулированы таким образом, чтобы обеспечивать безопасность граждан, но при этом избегать неправомерных ограничений и злоупотреблений со стороны государства.

Важным аспектом является также соблюдение государствам, вовлеченными в вооруженный конфликт, норм международных соглашений и конвенций, направленных на регулирование правового статуса лиц в период вооруженных конфликтов (беженцев, военнопленных и т.п.); гарантирующих соблюдение прав и свобод человека. Данная обязанность следует из комплекса международных принципов (и прежде всего, действия принципа гуманности), обеспечивающих стабильность мирового порядка.

Исходя из выше сказанного, считаем возможным утверждать, что уголовно-правовые нормы, изначально призванные обеспечивать безопасность государства и общества, в период вооруженного конфликта, приобретают более ужесточенный характер, что идет (может идти) в разрез с общей тенденцией гуманизации отечественного законодательства. Особое внимание при этом уделяется нормам в сфере регулирования военной службе, что, по нашему мнению обосновано целью обеспечения безопасности всего государства.

Предпринимая такие меры, как ужесточение уголовно-правовых норм. государство учитывает не только сложившуюся обстановку на политической, экономической аренах, а также основные принципы соблюдения прав и свобод человека и гражданина, закрепленные в отечественном законодательстве, и международные нормы гуманитарного права.

Выводы. Таким образом, диалектика уголовно–правовых норм в период вооруженных конфликтов представляет собой сложный баланс интересов

обеспечения безопасности и справедливости. Необходимо стремиться к гибкости правовой системы, способной эффективно реагировать на вызовы настолько опасного и напряженного времени, сохраняя при этом основные принципы правового государства и защищая права человека.

Список источников:

1. Казарин П.С. О соотношении понятий «война и вооруженный конфликт» [Электронный ресурс] // Информационный портал «Вестник военного образования». – Режим доступа: <https://vvo.ric.mil.ru/Stati/item/155699/>. – Дата обращения: 13.01.2023. – Загл. с экрана.
2. Мулява А.А. Диалектический подход к пониманию права и практическое применение правовой диалектики в юридической науке // Экономические и правовые аспекты цифровизации в контексте глобализации. – 2022. – № 2. – С. 120–124.
3. Основные изменения в УК РФ в 2022 году: Обзор: [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Консультант плюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405968/4df5abda22de941c0ec6703216a206964a1f3278/. – Дата обращения: 16.01.2024. – Загл. с экрана.
4. Сенцов А.С. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в условиях проведения специальной военной операции на Украине // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 4 (63). – С. 35–42.

УДК 342.76

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Полицкова Виктория Дмитриевна

ГОУ ВПО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: politskova2002@mail.ru

***Аннотация.** В статье на основе анализа исследований и обобщения общеизвестных фактов очерчивается круг проблем осуществления правосудия, возникающих в условиях военного конфликта; предлагаются возможные пути их решения.*

***Ключевые слова:** правосудие, военный конфликт, права человека.*

Вооруженный конфликт представляет собой насильственное столкновение двух или более сторон, с использованием вооружения и применения военных тактик для достижения своих политических, территориальных или иных целей. Это особое состояние конфликта, при котором в результате эскалации насилия общественный порядок и право частично или полностью нарушаются.

Следует отметить, что Верховным Судом Российской Федерации под вооруженным конфликтом понимается «вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт), в ходе которого осуществляется применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов без перехода государства в состояние войны» [1]. В указанной дефиниции обращает на себя внимание ограничение вооруженного конфликта участием Российской Федерации.

Не поддается сомнению деструктивность характера влияния вооруженного конфликта на все сферы общественной жизни государства. Не является исключением и судебная система, которая сталкивается многочисленными проблемами организационного и правового характера, требующими решения путем адаптации и/или принятия дополнительных мер для обеспечения справедливого правосудия и верховенства права. Военные конфликты порождают множество юридических и гуманитарных проблем, включая жертвы среди гражданского населения, разрушения, нарушения прав человека и т.п. [2, с. 117].

Одной из таких является обеспечение доступа к справедливому судебному процессу в условиях вооруженного конфликта. По своему характеру протекания (осуществления) военные действия создают определенные ограничения к доступу к юридическим ресурсам (адвокатура, суд), а также создают угрозы для обеспечения независимости и объективности судебного процесса, в связи с чем возникает потребность в выработке механизмов, позволяющих обеспечить право на справедливое судебное разбирательство для всех сторон конфликта [3, с. 37-38].

Не мене уязвимой является сфера соблюдения прав и свобод человека и норм международного гуманитарного права. В международно-правовой практике нередко приходится сталкиваться с ситуацией, когда правонарушители избегают заслуженного наказания вследствие недостатка юридических механизмов и/или политических разногласий. Процессы установления вины и наказания за преступления, связанные с вооруженными конфликтами, требуют особого внимания и усилий со стороны, в том числе международного сообщества [4, с. 64].

Следует отметить, что соблюдение прав и свобод человека в период вооруженного конфликта как многоаспектная проблема не может решаться однозначно в силу объективности введения определённых ограничений обусловленных решением первоочередной задачи – обеспечение безопасности общества и государства. Вместе с тем ограничение прав и свобод не должно

касаться права на доступ к правосудию и особенно таких уязвимых категорий гражданских лиц как дети, женщины, маломобильные лица.

В современной и международной, и отечественной практике все чаще поднимаются вопросы, вызванные массовой миграцией населения – соблюдение и защита прав и интересов беженцев и вынужденных переселенцев. Войны и вооруженные конфликты вынуждают многих людей покидать свои дома и искать убежище в других странах или регионах, ставя порою в неравные условия с гражданами страны-пребывания и, особенно, в сфере судебной защиты. При этом нормами международного (в т.ч. гуманитарного) права закреплено право беженцев и переселенцев на справедливое судебное разбирательство, а также на защиту от преследования и насилия [5, с. 131-132].

Наконец, следует отметить, что международные нормы и механизмы также играют важную роль в обеспечении соблюдения правосудия в условиях военных конфликтов. Международные суды и трибуналы занимаются расследованием и судебным преследованием лиц, совершивших военные преступления и нарушения прав человека. Эти институты важны для обеспечения ответственности за совершенные преступления и создания основы для мира и справедливости в постконфликтных обществах.

Проблемы правосудия в условиях военного конфликта требуют комплексного подхода и сотрудничества всех заинтересованных сторон. Обеспечение доступа к справедливому судебному процессу, привлечение к ответственности за нарушения прав человека, защита прав гражданского населения и гарантирование независимости судов – это лишь некоторые из аспектов, которые необходимо рассматривать в контексте правосудия в условиях вооруженных конфликтов [6, с. 181-182]. Ответ на эти вызовы требует усилий как национальных, так и международных организаций, и правительств, чтобы обеспечить соблюдение прав и свобод человека и справедливость в сложных и конфликтных ситуациях.

Не смотря на то, что Россия более не является членом Совета Европы и денонсировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), считаем целесообразным рассмотреть предшествующую практику Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Так, в течение более трех лет ЕСПЧ выносил решения по конфликтам в Чеченской Республике. Он пришел к выводу, что гражданско-правовые и уголовные средства правовой защиты внутри страны не способны обеспечить эффективное восстановление прав в случаях серьезных нарушений прав человека со стороны представителей государства в Чечне. Суд также рассматривал ряд дел, с целью определения являются ли заявленные средства защиты в национальной системе действительно доступными, достаточными и эффективными, и предпринимал ли заявитель все разумные меры для исчерпания внутренних средств правовой защиты. Вопрос эффективности уголовного судопроизводства решался на стадии рассмотрения дела по существу, а не на стадии оценки приемлемости. Результаты оценки ЕСПЧ полноты уголовного расследования таковы: из тридцати дел тридцать шесть касались статьи 2 и/или статьи 3, и в каждом из этих тридцати шести дел Суд пришел к выводу о нарушении Конвенции в связи с неэффективностью внутригосударственного расследования [7].

Полагаем, что эффективность расследования во время военных конфликтов может быть повышена путем создания военных трибуналов *ad hoc*, однако члены таких трибуналов должны быть максимально объективными ко всем сторонам конфликта, что априорно не возможно.

Выводы. В заключение можно сказать, что проблемы правосудия в условиях военного конфликта характеризуются комплексностью и глубиной, а потому требуют незамедлительного разрешения, как на национальном, так и на международном уровне.

Список источников

8. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 г.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2023/06/02/document-postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda.html> – Дата обращения: 22.03.2023. – Загл. с экрана.

9. Ковалев, А. А. Современное право вооруженных конфликтов: учебное пособие / А. А. Ковалев. – Санкт-Петербург: изд-во Коновалова А., 2020. – 204 с.

10. Егоров, С.А. Актуальные проблемы права вооруженных конфликтов: Учеб. пособие / С.А. Егоров. – М.: Дипломат. акад. МИД России, 2010. – 166 с.

11. Права человека и вооруженные конфликты. Учебник для Вузов / Отв. ред. В.А. Карташкин. – М.: Изд. группа Норма-Инфра-М, 2021. – 384 с.

12. Фуркало, В.В. Международно-правовая защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Фуркало Владимир Васильевич. – Киев, 1982. – 208 с.

13. Котляров, И.И. Международное право и вооруженные конфликты: Монография / И.И. Котляров. – М.: Моск. ун-т МВД России, 2003. – 285 с.

14. Лич, Ф. Конфликт в Чечне: анализ практики Европейского Суда по правам человека / Ф. Лич // СКО. – 2010. – №1 (74). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-v-chechne-analiz-praktiki-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka> – Дата обращения: 22.03.2023. – Загл. с экрана.

УДК 340

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Шерешкова Карина Витальевна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: kshereshkovaa@mail.ru

***Аннотация.** В статье раскрываются основные признаки такого элемента правоотношений юридической ответственности, как субъект. Рассмотрена правосубъектность лиц, а также выделены признаки таких субъектов, как физические лица, юридические лица, государство. Рассмотрено разграничение таких категорий, как субъекты права и субъекты правоотношений юридической ответственности.*

***Ключевые слова:** субъект, правосубъектность, вменяемость, деликтоспособность.*

Элементный состав правоотношения юридической ответственности характеризует специфические свойства определённого вида общественных

отношений. Как и в любом общественном отношении, наряду с объектом, присутствуют также и конкретные субъекты, под которыми в юридической науке понимаются лица (физические и/или юридические), обладающие определёнными правами и обязанностями. При этом остается дискуссионным вопрос отграничения (не только понятийно, но и содержательно) таких правовых категорий как «субъект права» и «субъект правоотношений», что обусловлено следующим:

Во-первых, конкретный гражданин как постоянный субъект права не может быть одновременно участником всех правоотношений;

во-вторых, новорожденные, малолетние дети, душевнобольные лица, будучи субъектами права, не являются субъектами большинства правоотношений;

в-третьих, правоотношения – это не единственная форма реализации права субъектами права[1, с. 187].

Говоря о научной разработанности проблематики исследования структуры правоотношений в целом, и их субъектов в частности, следует сказать, что в отечественной юридической науке за последние десять лет отсутствуют сколько-нибудь комплексные исследования теоретико-правового характера. Вместе с тем, следует отметить достаточное количество работ, посвященных исследованию правового положения субъектов конкретных правоотношений: уголовных (А.В. Сумачев, Л.Н. Коломытцева, Д.А. Сугробов), гражданских (Д.В. Ломакин, А.В. Меркулова), налоговых (В.В. Попов, А.В. Топоров, В.А. Соловьев), финансовых (А.Б. Альжанова, Д.М. Стриханова), земельных (Н.В. Ключниченко, А.В. Жуков,) и проч. Также в достаточной мере исследованы отдельные субъекты правоотношений, в частности: государство и государственные органы (А.В. Слепнев, О.В. Пинаева, А.П. Адаменко, Н.Н. Колмакова), адвокатура (И.С. Долгошеев), юридические лица (М.С. Денисова, Д.В. Ломакин, А.В. Жуков, А.В. Меркулова), физические лица (А.В. Меркулова, Я.З. Байтаева, И.П. Бахтиаров) и проч.

Целью исследования является выявление и анализ ключевых особенностей субъекта юридической ответственности.

Основные результаты исследования. Субъект правоотношений юридической ответственности должен обладать определёнными признаками, которые свойственны общему субъекту правоотношений: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, составляющие в совокупности его правосубъектность, то есть возможность лица быть участником правоотношения.

Важно отметить, что право- и дееспособность индивидуальных субъектов права, хотя и являются схожими категориями, но своим происхождением исходят из различных оснований. Лишение лица правоспособности означает отрицание ценности его интересов, признание их юридически негодными, не подлежащими защите.

В противоположность этому признание лица недееспособным означает защиту его интересов, которым он сам мог бы навредить в силу определенной специфики личности. Недееспособность - суть тоже защита интересов личности как и правоспособность, но иными средствами. Недееспособность защищает не только недееспособного, но и других лиц, поскольку совершенные им действия не порождают прав и обязанностей, закрепленных законодательно [2, с. 213].

Деликтоспособность, как элемент правосубъектности, содержание которого заключается в способности лица нести юридическую ответственность за совершение правонарушений, также обусловлен вменяемостью и связан с наступлением определённого возраста. Так, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) предусмотрено три возраста наступления уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности совершённого противоправного деяния – это 14, 16 (ч. 1 и ч. 2 ст. 20 УК РФ), а также за должностные преступления с 18 лет (ст. 285 УК РФ) [3].

Субъектный состав правоотношений юридической ответственности включает двух основных субъекта:

- сторона, которая своим деянием (действием или бездействием) допустила нарушения установленных норм права, и в связи с этим обязана претерпевать определённые меры юридической ответственности;
- управомоченное лицо, представленное компетентным органом или организацией и их должностным лицом (лицами), обладающие полномочиями, связанными с возложением юридической ответственности и управомоченные рассматривать и разрешать определённые категории дел о привлечении лица к юридической ответственности.

При классификации субъектов юридической ответственности ряд учёных выделяет, в первую очередь, отраслевой критерий классификации. Так, субъектом общественных отношений, возникающих в результате совершения административных правонарушений, считается вменяемое физическое лицо, достигшее возраст шестнадцати лет [4]. Субъектом юридической ответственности в уголовном праве рассматривается вменяемое, физическое лицо, достигшее шестнадцати лет на момент совершения преступных действий [5]. Субъектом гражданско-правовой ответственности выступает лицо, обладающее гражданской правосубъектностью и достигшее возраста четырнадцати лет.

В зависимости от вида юридической ответственности, выделяются субъекты уголовных, гражданских, административных, конституционных, налоговых, трудовых правонарушений. По своей социальной роли индивидуальные субъекты юридической ответственности могут быть подразделены на студентов, работников, государственных служащих, пенсионеров и т.д.

В качестве индивидуальных субъектов юридической ответственности выступают физические лица, которые могут быть объединены в группы по определенным классифицирующим признакам. В частности, исходя из их правовой связи с государством, можно выделить граждан (индивиды,

обладающие определённой политико-правовой связью с государством, т.е. имеющих гражданство), а также лиц, не являющихся гражданами государства (иностранцы граждане или лица без гражданства).

Следует отметить, что наряду с индивидуальными, субъектом юридической ответственности на стороне лица, обязанного претерпевать определённые обременения и лишения, может выступать также и коллективные субъекты. К коллективным субъектам можно отнести: государственные органы; организации и объединения; государство как субъект международно-правовых, а также внутренних государственно-правовых отношений юридической ответственности.

Анализ норм законодательства говорит о том, что юридические лица могут быть субъектами правонарушений в административном и гражданском праве, однако в уголовном праве меры государственного принуждения будут применены к должностным лицам, ответственным за совершение противоправного деяния.

Наличие управомоченной стороны характеризует рассматриваемые общественные отношения как неравные и вертикальные. К управомоченной стороне относятся органы государственной власти, созданные для осуществления функций государства и обладающие властными полномочиями по осуществлению законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти: правоохранительные органы, министерства и ведомства, суды, органы надзора и контроля, администрации предприятий и учреждений и иные субъекты.

Субъектом, обладающим правом применять меры государственного принуждения, выступает государство в лице определённых органов и должностных лиц, а именно: суд, прокуратура, полиция, администрации разных государственных учреждений, которые специально занимаются делами о рассмотрении дел о правонарушениях. Однако следует отметить, что в правоотношениях ответственности государство может принимать участие, с одной стороны, как субъект, обладающий правом и обязанностью требовать

совершения определенных в правовой норме действий или бездействий; с другой стороны, выступать в качестве субъекта, наделенного правами и обязанностями совершать определенные действия или бездействия, то есть государство может выступать как орган, регламентирующий общественные отношения и имеющий полномочия привлекать к юридической ответственности лиц, совершивших правонарушение, так и как субъект правоотношений, обязанный соблюдать определенные правила, установленные посредством своей законодательной деятельности или путем присоединения к международно-правовым договорам, конвенциям и соглашениям, а также нести правовые ограничения, предусмотренные санкцией правовой нормы [6, с. 21].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правоотношения юридической ответственности характеризуются наличием в своём элементном составе субъектов, которые, с одной стороны, вынуждены претерпевать определённые ограничения и лишения в результате совершения правонарушения, и управомоченного субъекта, обладающего правом применять меры государственного принуждения. Таким субъектом выступает государство в лице своих органов и должностных лиц.

Список источников

1. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 245 с.
2. Миронов В.О., Зин Н.В. Субъекты правовых отношений / В.О. Миронов, Н.В. Зин // Право и государство: теория и практика. – 2019. - №12 (180). – С. 212-213.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b99a4508e05471a407e532780d2c0c95471049d9/. – Дата обращения: 10.01. 2024. – Загл. с экрана.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2022) [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Дата обращения: 12.01.2024. – Загл. с экрана.
5. Об утверждении методических рекомендаций, приказ Федеральной антимонопольной службы России от 08.08.2019 № 1073/19 [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335124/81079070ba59fc251a6756c0e7e1db0548143500/. – Дата обращения: 15.01.2024. – Загл. с экрана.

6. Пугина, О.А. Государство как субъект юридической ответственности / О.А Пугина, А.А. Коробова // Право: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 18-26.

УДК 341.231.12

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВ ВОЙНЫ

Хобби Юлия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «МГУ им. А.И. Куинджи», г. Мариуполь

Губская Елена Васильевна

ФГБОУ ВО «МГУ им. А.И. Куинджи», г. Мариуполь
E-mail: elena.gubskaya@internet.ru

***Аннотация.** В статье представлен анализ роли и значения международного гуманитарного права в условиях современных вооруженных конфликтов. Автор делает вывод, что международное гуманитарное право претерпевает кризис, связанный с тем, что в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах практически отсутствует четкий механизм контроля за соблюдением прав жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера.*

***Ключевые слова:** международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, защита жертв войны, политика двойных стандартов, механизмы контроля.*

Постановка проблемы. Современные конфликты сопровождаются массовыми нарушениями норм международного гуманитарного права (далее – МГП). В связи с этим резко возрастает роль контроля в области международного гуманитарного права, осуществляемого на основе норм международного права, который призван не допустить эскалации насилия в рамках конфликта, уменьшить неблагоприятные последствия и обеспечить

защиту основных прав и законных интересов лиц, предусмотренных конвенциями.

Существует два механизма, призванных обеспечить соблюдение положений МГП – учреждение Комиссии по расследованию и Комиссии по установлению фактов. Они относятся к международным способам контроля, осуществляемых в отношении сторон международного вооруженного конфликта, установленным конвенционным способом [1, ст. 90]. Однако эти органы не имеют достаточной самостоятельности, чтобы всерьез повлиять на недопущение нарушений.

Проблема подмены суверенитета государств мнением экспертов в области международного права, формирующих различные комиссии и межгосударственные органы, при нарушении процедурных норм международного права-является как никогда актуальной.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Рассматриваемая проблематика носит междисциплинарный характер, в связи с чем разработкой темы международной правовой защиты жертв войны занимались специалисты в области теории и истории государства и права, сравнительного правоведения, а также международного права. Особый интерес представляют труды: С.С. Алексеева, М.И. Байтина, В.В. Безбаха, Т.А. Васильевой, В.Г. Графского, М.В. Захаровой, В.П. Малахова, Н.И. Матузова, Л.А. Морозова, Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной, В.С. Нерсисянца, А.Х. Саидова, К.Е. Сигалова, В.Н. Синюкова, В.А. Томсинова, В.В. Чиркина и др.

Цель исследования. Целью данной работы выступает комплексный анализ роли и значения МГП в условиях современных вооруженных конфликтов.

Основные результаты исследования. Анализ применения норм международного гуманитарного права о защите гражданского населения проведен на примере ситуации на Украине и раскрывает случаи применения политики двойных стандартов.

Народы Луганской и Донецкой областей Украины, не поддержавшие приход к власти сил с подчеркнутой националистической идеологией, провозгласили право участвовать в жизни государства и решать свою судьбу, а именно: установить несколько государственных языков на всей территории государства, установить квоты для представителей определенных групп населения в органах государственной власти, провести децентрализацию и т.п., однако лица, совершившие антиконституционный переворот, объявили так называемую «антитеррористическую операцию» против населения этих регионов с использованием вооруженных сил государства. В результате вспыхнул конфликт, жертвами которого стали гражданские лица, в том числе женщины и дети [2].

Мировое сообщество лишь поверхностно отреагировало на количество жертв среди взрослого и детского населения Украины, описанных в 14-м докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. Не было выражено ни озабоченности, ни осуждения действий правительства Украины мировая общественность не выразила. Преступления в Доме профсоюзов в Одессе, преступления «Небесной сотни» до сих пор остаются не раскрытыми.

В начале проведения специальной военной операции в феврале 2022 года, правительство Украины не соблюдает положения Женевской конвенции от 12 августа 1949 года [3, ст. 14; ст. 17], а также Дополнительного Протокола I, 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, положения которой содержит специальные нормы об эвакуации детей (ст. 78), как правомерной гуманитарной деятельности, включая действия государств, находящихся в конфликте.

В это же время, в отношении эвакуации и оказания гуманитарной помощи мирному гражданскому населению, включая несовершеннолетних, детей-сирот с территории вооруженного конфликта, ни ООН, ни ЮНИСЕФ не предприняли никаких действий.

В этой ситуации еще более несправедливым выступает выдача Палатой предварительного производства II Международного уголовного суда ордера

на арест Владимира Владимировича Путина и Марии Алексеевны Львовой-Беловой «за перемещение детей из зоны конфликта», действовавших в соответствии со ст. 49 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года.

Amnesty International (в переводе с англ. – «Международная амнистия») — Международная неправительственная организация, борющаяся за права человека во всем мире, неоднократно подчеркивала в своих докладах, что украинские военные угрожают гражданскому населению Украины, создавая базы и применяя системы вооружения в жилых районах, включая школы и больницы [7].

Международное гуманитарное право прямо запрещает тактические методы, такие как использование «человеческих щитов» для предотвращения нападений на военные цели, но ООН снова не замечает этих нарушений.

Во время конфликта в Афганистане Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию № 52/145 от 12.12.1997, в которой призвала все афганские стороны воздержаться от хранения боеприпасов в жилых районах и прекратить практику использования людей в качестве «живого щита». Совет Безопасности ООН самым решительным образом осудил использование воюющими группами гражданского населения в качестве «живого щита» [4].

Украина же, пренебрегая международными договоренностями и актами, совершают военные преступления и допускают серьезные нарушения прав человека. На основании собранных Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов и их пособников, Фондом исследования проблем демократии донецкой общественной организацией «Справедливая защита», Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, свидетельства жертв и очевидцев доказывают, что украинские вооруженные силы системно и целенаправленно совершаются преступления, относящиеся к категории преступлений против человечности и военных преступлений [5].

Избирательное применение международного права отражает реакция ООН на действия Российской Федерации: Генассамблея ООН 2 марта 2022 года приняла предложенную Украиной резолюцию «Агрессия против Украины», «самым решительным образом» осудив «агрессию, совершённую Российской Федерацией против Украины в нарушение ст.2 Устава ООН» («За» проголосовала 141 страна, «против» – 5, «воздержались» 35 стран) [5]. Весьма противоречивым выступает положение о том, что подобного рода резолюцию Генассамблея ООН не принимали против США со дня начала агрессии в отношении Югославии, Ирака, Ливии, Сирии.

Как заявил Постоянный представитель РФ в ООН в Женеве Геннадий Михайлович Гатиллов: «Управление Верховного комиссара ООН по правам человека ООН исполняет задачи, которые перед ним ставят западные доноры, и штатный состав практически целиком состоит из западников». Он также считает, что эта организация предпочитает игнорировать многочисленные нарушения украинскими военными норм международного гуманитарного права [8].

Тем не менее, Россия последовательно выступает за укрепление правовых основ международных отношений, добросовестно выполняет свои международно-правовые обязательства. В Указе Президента РФ от 12.05.2009 №537 отражено положение: «Россия стремится к формированию идеологии равноправного многополярного мира и не поддерживает концепцию доминирования в международном сообществе развитых западных стран во главе с США, рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права» [6].

Можно с уверенностью сказать, что, если бы все заинтересованные стороны полностью соблюдали гуманитарное право, большинство гуманитарных вопросов, с которыми мы сталкиваемся, не возникло бы.

Опыт последнего времени показал, что гуманитарное право остается важным для спасения человеческих жизней и сохранения человеческого достоинства во время вооруженных конфликтов.

В то же время гуманитарное право не всегда в полной мере отвечает современным гуманитарным потребностям. Некоторые из существующих проблем защиты людей и объектов во время вооруженного конфликта возникают из-за несовершенства существующей правовой базы, которая требует дальнейшего развития и толкования, в частности, уточнения понятий «депортация», «эвакуация», «перемещение».

Существующие механизмы, предусмотренные гуманитарным правом для контроля действий противоборствующих сторон, пока не обладают достаточной эффективностью. Как показывает практика, такие меры контроля противоборствующих сторон в контексте международного вооруженного конфликта, как утрата иммунитета против нападения, интернирование (если оно оправдано соображениями государственной безопасности), возможная утрата определенных прав и преимуществ во время интернирования, обвинение в уголовном преступлении и т.д. применяются на практике в редких случаях в связи отсутствием согласия участников конфликта с их применением.

Анализируя положения четырёх Женевских конвенций: Конвенции I об улучшении участи раненых и больных в вооружённых силах; Конвенции II об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море; Конвенции III об обращении с военнопленными; и Конвенции IV о защите гражданского населения во время войны, а также Дополнительного протокола II, приходим к выводу, что они имеют очень важный недостаток: отсутствие какого-либо механизма контроля за соблюдением прав жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера.

Право, применимое к этим конфликтам, в лучшем случае является в высшей степени умозрительным, а механизмы контроля, предусмотренные в

четырёх Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах, практически отсутствуют. Все это, к сожалению, позволяет правительствам ряда государств просто игнорировать международное гуманитарное право, ведя гражданскую войну против собственного народа мотивируя тем, что это сепаратисты.

Как отмечает Давид Э., «...большая часть нарушений международного гуманитарного права происходит при многочисленных молчаливых свидетелях» [9, с. 633]. Государства, даже осознавая факт злостного попрания фундаментальных норм МГП другим государством, предпочитают оставаться в стороне. По мнению Тони Пфаннера, «международное гуманитарное право и его механизмы остаются скромной реакцией международного права на вооруженные конфликты. Сегодня международные действия по принуждению к соблюдению права все еще являются исключением в отсутствие централизованной системы правоприменения» [10]. В связи с этим для улучшения положения лиц, пострадавших в результате вооруженных конфликтов необходимо добиться более строгого соблюдения действующих правовых норм всеми участниками МГП, а реагирование на нарушение данных норм должно быть переведено из разряда моральных обязанностей в правовые. Для этого необходимо повышать осведомленность и обученность участников конфликтов о международном гуманитарном праве и создавать специальные программы для их обучения и просвещения. Также целесообразным представляется предоставление доступа пострадавшим к комплексной помощи, включая медицинскую помощь, психологическую поддержку, реабилитацию, обеспечение питанием и жильем, а также возможность восстановления своего имущества. Помимо этого, необходимо особо тщательно подходить к процедуре имплементации соответствующих норм МГП, как одного из защитных механизмов в рамках международного (а также национального) права жертв вооруженных конфликтов. Наконец, важно продвигать политические решения конфликтов с учетом защиты прав человека и международного гуманитарного права, а также строить мирные

отношения и согласие между различными группами населения для предотвращения будущих конфликтов и обеспечения устойчивого развития государства.

Выводы. Таким образом, современный механизм управления гуманитарным правом характеризуются своим многоаспектным характером, особыми чертами которого выступает: возможность применения на международном и на национальном уровнях; использование во время международных и внутригосударственных вооруженных конфликтов; возможность закрепления на уровне обычаев и в нормативных актах национального законодательства; применим к сторонам конфликта и к отдельным физическим лицам. Однако, несмотря на наличие широкого спектра методов контроля, ни один из них не является безупречным, и только их комплексное применение может оказать благотворный эффект.

Список источников:

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), Женева, 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>. – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

2. Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 мая – 15 августа 2016 г. [Электронный ресурс] / Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. — Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine15thReport_ru.pdf. – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. (принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Организация Объединенных Наций – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>. – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

4. Резолюция СБ ООН 1894, 11.11.2009 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>. – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

5. Резолюция ES-11/1, принятая Генеральной Ассамблеей Организация Объединенных Наций «Агрессия против Украины» от 2 марта 2022 года [Электронный ресурс] / Internationale Redaktion CISG.info. – Режим доступа: <https://www.cisg.info/dok/a-res-es-11-1.pdf>. – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – Ст. 2444.

7. Международное гуманитарное право и украинский террор против своих граждан [Электронный ресурс] / Amnesty International Великобритания. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org.uk/press—releases/ukraine—military->. – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

8. Витвицкий А. Постпред России раскритиковал комиссара ООН за двойные стандарты [Электронный ресурс]/ Официальный сайт РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230420/kritika-1866755559>. – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

9. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций / Э. Давид, перевод с франц. – 2-е рус. изд., основанное на 4-м фр. изд., с доп. авт. – Москва : МККК, 2011. – 1141 с.

10. Пфаннер Т. Имплементация международного гуманитарного права и предоставление защиты и помощи жертвам войны: различные механизмы и подходы [Электронный ресурс] // Международный журнал Красного Креста. – 2012. – №874-889 / КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/implementatsiya-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-i-predostavlenie-zaschity-i-pomoschi-zhertvam-voyny-razlichnye-mehanizmy-i-podhody> – Дата обращения: 25.04.2023. – Загл. с экрана.

УДК 340.114.5

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ВИДЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Хоруженко Кристина Анатольевна

кандидат исторических наук

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: k.khoruzhenko@donnu.ru

Аврамова Екатерина Дмитриевна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: avramova.e@inbox.ru

***Аннотация.** В статье осуществлен комплексный анализ деформации правосознания в современном обществе. В работе рассматривается понятие деформации правосознания, анализируются причины ее возникновения, выделяются основные виды данного правового явления, а также предлагаются пути преодоления обозначенных проблем. В процессе исследования основное внимание уделяется таким факторам, как информационное влияние, социальные изменения и технологический прогресс, которые оказывают существенное влияние на формирование искаженного правосознания. Более того, статья предлагает практические рекомендации для преодоления деформации правосознания, которые могут быть использованы в практической деятельности.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правосознание, деформация правосознания, перерождение правосознания.*

Актуальность данной темы весьма значима для России, несмотря на то, что тема деформации правосознания давно исследуется юристами, учеными в области философии, психологии, социологии, теории государства и права, но эта тема и сейчас вызывает бурные дискуссии на конференциях и требует углубленного изучения. Политико-правовая система Российской Федерации развивается под влиянием внутренних и внешних мировых факторов (социально-экономических: санкции, COVID-19; политических: разделение миропорядка). В том числе, современное общество и правовая система сталкиваются с рядом новых вызовов и проблем, которые могут привести к деформации права. Например, изменения в общественно-политической

обстановке, технический и научно-технологический прогресс, международные тенденции и т.п. В свою очередь, всестороннее исследование правовой деформации позволяет определить влияние таких факторов на развитие правовой системы и социальных отношений.

Важнейшей характеристикой национальной правовой системы является правовая культура общества, которая имеет свои особенности и отличительные черты. Правовая культура является необходимым условием формирования социально активной личности, которая соблюдает закон [1; с. 498]. Правосознание, являющееся компонентом правовой культуры, по словам С.С. Алексеева, является «визитной карточкой» права данного общества и критерием его развития [2; с. 35]. При этом правосознание отражает состояние правовой действительности и ее тенденции в обществе, следовательно, привлекает внимание ученых и является предметом их исследования.

Обратим внимание, что проявлениями деформации правосознания являются: нарушение закона, выбор противоправное поведение, оказывающие негативное воздействие на общество и государство в целом. Перечисленное обуславливает необходимость изучения причин, в силу которых возникает деформация правосознания, и методов преодоления причин деформации правосознания является весьма значимой, поскольку таким образом можно определить эффективность осуществления правотворческой и, следовательно, правоприменительной деятельности.

Проблема деформации правосознания находится в центре внимания многих исследователей таких ученых, как: Ильин И.А., Марченко М.Н., Нерсисянц В.С., Певцов Е.А., Шульги А.М., Павленко Е.М., Петручак Л.А., Баранов П.П., Васильев В.Л., Алексеев С.С., Соловьев В.С., Чичерин Б.Н., Нижник Н.С., Смирнов Л.В., Калиновский Ю.Я., Ковалев С.А. и другие.

Цель исследования заключается в необходимости раскрыть понятие деформации правосознания, выявить причины деформации правосознания, изучить виды и предложить пути их преодоления.

Следует отметить, что правосознание имеет множество определений, например, Д. Чуйков считает, что правосознание являет собой форму общественного сознания, содержащую субъективное отношение индивида к правовой действительности, проявляется в форме социально значимых действий и поступков человека [3; с. 39]. В свою очередь, восприятие права как духовной и культурной ценности определяется знанием законов и умением использовать их предписания для достижения общественно полезных целей. Структура правосознания включает в себя два элемента. Первый – правовая идеология, как совокупность представлений о действующем праве и правовой действительности. Второй – правовая психология, как совокупность убеждений и оценок в рамках действующего права, включая явления правовой действительности [4; с. 14.].

Дефекты существующей правовой структуры, снижение моральных и духовных ценностей, неблагоприятные социально-экономические условия стали источником искаженного, неправильного осмысления права и юридической реальности, что приводит к искажению понимания правосознания. Деформация правосознания выражается в негативном отношении граждан к существующему правопорядку, справедливости и законности. Данное явление может быть охарактеризовано только в рамках государства и общества, в которых уже установлены стандарты «нормального» правосознания.

Таким образом, деформация правосознания происходит под воздействием различных факторов, при которых индивид формирует собственное восприятие правовой реальности, создает свои ценности, имеет правовые интересы и ориентиры, идеи, модели правильного правового поведения, что может привести к негативным социальным последствиям. В свою очередь, к основным причинам и условиям деформации правосознания следует отнести: отсутствие правового воспитания и образования, несовершенство правовой системы и законодательства, наличие правовых коллизий и пробелов, несформированная правовая культура, негативный

практический опыт в сфере защиты прав, свобод и законных интересов, др. В том числе, значительное влияние на возникновение деформации правосознания (индивидуальной и групповой) оказывают личностные особенности индивидов, воспитание и образование, жизненная среда.

В.Н. Кудрявцев отмечает, что деформация в правовой сфере деятельности индивида (поведение, правосознание, правовая культура и т.д.), вызванная различными объективными факторами, часто приводит к совершению противоправного деяния [5; с. 191]. В свою очередь, С.А. Ковалев дает понимание под деформацией правосознания, негативное социальное явление, которое характеризуется такими изменениями, которые искажают реальную общественную и правовую действительность, при этом выражают негативное отношение к действующей системе права, законности и правопорядку [6; с. 35].

Обратим внимание на формы проявления правовой деформации сознания:

1. Правовой нигилизм характеризуется пренебрежительным отношением к закону, важности соблюдения правил и установленного порядка. Проявляется в сознательном игнорировании правовых норм и отрицании значимости правового регулирования. Правовой нигилизм принимает разнообразные формы: от умышленного пренебрежения законом до скептического и отрицательного отношения к нему. Например, В.А. Туманова считает, что правовой нигилизм представляет собой скептическое и негативное отношение к праву, «неверие» в его способность решать социальные проблемы согласно представлениям о справедливости [5; с. 256].

2. Правовой идеализм, также известный как фетишизм, проявляется в преувеличении и переоценке реальных регулятивных возможностей в сфере права. Избыточное количество законодательных актов и норм ограничивает возможности самореализации личности и препятствует развитию ее потенциала [7; с. 183]. В данном случае уместно высказывание «да свершится правосудие, даже если погибнет мир», что приводит к формированию у

субъекта (или субъектов), обладающих таким сознанием, своей собственной системы ценностей, которая может не совпадать с правовой. Правовая установка, сформированная у индивида, определяет его стремление к юридизации любых действий и требует того же от других. Например, В.Р. Петров считает, что основными причинами распространения правового идеализма в России на уровне общественного сознания являются социально-экономические, правовые и политические кризисы, преобладание в обществе сугубо прагматического подхода к праву как инструменту и средству решения всех проблем [8; с. 30].

3. Спекулятивно-правовой популизм проявляется в настрое индивида подчеркивать исключительную важность своего отношения к работе и ее результатам, стремясь укрепить служебное и социальное положение [9; с. 44.]. В том числе, проявляется в исключительно показной работе чиновника, в заигрывании с народом, в спекуляции на его нуждах с целью приобретения авторитета и, как следствие, личных выгод.

4. Правовой эгоцентризм и цинизм выражаются в использовании правовых норм с целью причинения вреда другим людям, включая злоупотребление правом.

5. Правовой субъективизм характеризуется односторонним отношением личности к правовым нормам, признанием своих прав и отрицанием обязанностей [10; с. 2].

6. Негативно-правовой радикализм, в основе которого заключается сознательное отрицание права из-за личной корысти, алчности, что выражается в состоянии маргинального повседневного поведения и всего образа жизни. В свою очередь, под «перерожденным» правосознанием понимается преступная установка и готовность нарушить закон, совершить преступление. Человек рассуждает и существует «не для закона, закон существует для того, чтобы индивид мог хорошо жить». При этом основой для возникновения радикализма является недовольство эффективностью политико-административного аппарата государства. Катализатором в данном

случае выступает отсутствие выбора для реализации своих возможностей и исправления недостатков своей жизни, отсутствие должного образования молодежи, невозможность осуществления личного выбора в связи с ориентацией социальных практик на удовлетворение материальных потребностей.

7. Правовой дилетантизм, также известный как невежество, характеризуется небрежным отношением к правовым ценностям, вольным обращением с текстом закона, легкомысленным отношением к праву, поверхностным толкованием норм, неверной оценкой юридической практики не из-за корыстных целей, а по незнанию.

8. Правовая демагогия характеризуется использованием идентичных правовых средств, необходимых для достижения противоположных целей. Например, заведомо обманчивое, противоречивое, внешне эффективное воздействие отдельного лица на чувства, знания, поступки доверяющих им людей, посредством различных форм ложного или извращенного представления правовой действительности для достижения собственных корыстных целей, обычно скрывааемых под видом пользы для народа и благополучия государства.

9. Правовой инфантилизм заключается в несформированности правовых знаний при значительной уверенности в хорошей юридической подготовке, недостаточной глубине знаний. Например, Д.Е. Марченко предлагает рассматривать инфантилизм правосознания как неспособность решать поставленные обществом перед человеком социальные задачи в соответствии с правовыми нормами и ценностями ответственного рационального поведения [11; с. 67]. При этом правовой инфантилизм может проявляться во всех сферах общественных отношений, регулятором которых выступает право [12; с. 86]. В свою очередь. А.М. Цалиев считает, что правовой инфантилизм у профессиональных юристов заключается в недостаточности или отсутствии правовых знаний, которых не хватает для успешной профессиональной юридической деятельности [13; с. 70]. А П.П. Баранов

считает, что правовой инфантилизм заключается в отсутствии правовых взглядов, знаний, установок и представлений [14; с. 339].

10. Правовой конформизм характеризуется формальностью исполнения служебных обязанностей, пассивностью и безынициативностью, т.е. «поступаю так, потому что другие ведут себя так же». Выражается в пассивном восприятии правовой действительности, характеризуется стремлением человека всячески угодить начальству и коллегам, отсутствием критического отношения к результатам своего труда и труда коллег, на соблюдение закона влияют привычки и желание не отличаться от других.

Таким образом, деформация правосознания представляет собой различного рода искажения правового сознания, которые свидетельствуют о его так называемом перерождении. В зависимости от характера таких искажений можно выделить два типа деформаций: репрессивный и криминальный. В том числе, деформация правосознания является социальным явлением, детерминированным целым рядом негативных факторов [10; с. 2].

При этом, деформация правосознания бывает разных форм, на современном этапе развития государства и общества наиболее опасными формами деформации являются правовой нигилизм и так называемое «перерожденное» правосознание, которые оказывают непосредственное влияние на криминогенную ситуацию в обществе. В свою очередь, противодействие деформациям правосознания можно определить как активную деятельность общества, направленную на выявление и устранение причин и условий их возникновения и проявления, с целью формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры личности, социальной группы и общества.

Следует уделить особенное внимание тому, что государственная политика по преодолению деформации правосознания должна основываться на применении методов правового воспитания и просвещения, учитывая условия и причины такой деформации. В свою очередь, необходимо внедрять социальные программы, направленные на улучшение объективных условий

жизни в обществе, а также создать специальные правовые меры, такие как бесплатные юридические консультации, с целью формирования позитивных правовых установок и правомерного поведения участников общественных отношений. В том числе, важно сотрудничество между юристами, политологами, социологами, экономистами и педагогами, чтобы вместе разработать конкретные способы устранения причин и условий, приводящих к деформации правосознания. Также следует проводить мероприятия по социальной адаптации лиц, вернувшихся из специальных военных операций, беженцев и освобожденных из мест лишения свободы. СМИ также могут быть привлечены к проведению специальных образовательных программ по праву. В современном мире широко применяются компьютерные и информационные технологии, и область воспитания и образования, включая правовую сферу, не исключение [15; с. 481]. Следовательно, упомянутые технологии должны активно использоваться для повышения правовых знаний, правовой культуры и правосознания среди молодежи.

Таким образом, в России существует потребность в воспитании личности, которая признает превосходство права и обладает социально зрелой позицией в выборе правового поведения, способной соотносить правовые ценности с морально-политическими нормами [16; с. 90].

В свою очередь, целями соответствующей государственной Программы Российской Федерации являются развитие в обществе правовой модели поведения граждан, преодоление правового нигилизма, поддержание устойчивого уважения к закону. Для достижения этих целей предусматривается решение следующих задач: повышение уровня защиты публичных интересов, реализация прав граждан и организаций, разработка общей стратегии в сфере судебно-экспертной деятельности и модернизация федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации [17; с. 78]. Основными путями преодоления деформаций правосознания являются совершенствование всей правовой системы общества, повышение правовой культуры граждан, информирование

населения о действующих правовых нормах, укрепление законности, правопорядка и защиты прав личности.

Учитывая изложенное выше, можно сделать следующие выводы. Так, правовая деформация в юридической науке – это процесс нарушения, искажения или искривления норм права, в результате которого они теряют свою целостность, логическую последовательность, сбалансированность и соответствие высшим ценностям и принципам правовой системы. Деформация может быть обусловлена различными факторами, такими как неправильное толкование и применение норм права, коррупция, политическое давление или нежелание исполнять обязанности, связанные с применением права и многие другие. Правовая деформация снижает эффективность правосудия, ведет к необоснованному ограничению прав и свобод граждан и дестабилизирует правовую систему в целом.

В том числе, существуют пути решения и способы преодоления правовой деформации, среди которых:

1. Усиление механизмов контроля, следовательно, необходимо создать более эффективные механизмы контроля за исполнением правовых норм, например, усилить роль независимых органов надзора, аудиторов и антикоррупционных служб.

2. Обновление законодательной базы, следовательно, необходимо пересмотреть и усовершенствовать уже существующие законы и нормативные акты.

3. Укрепление правового образования и осведомленности, следовательно, в целях борьбы с правовой деформацией необходимо повышать уровень правового образования граждан и специалистов.

4. Содействие гражданскому обществу, следовательно, активное участие общественных организаций и граждан в контроле за соблюдением правовых норм позволит выявить и преодолеть правовую деформацию.

5. Международное сотрудничество, следовательно, обмен опытом и сотрудничество с другими странами позволит преодолеть правовую

деформацию, особенно если обозначенная проблема имеет международные масштабы.

6. Снижение коррупции, следовательно, противодействие коррупции является важным фактором в преодолении правовой деформации, при этом внедрение ужесточения наказания за коррупционные действия и разработка механизмов предотвращения коррупции поспособствует устранению обозначенной проблемы.

7. Развитие доступных правовых ресурсов, следовательно, создание и развитие доступных и удобных правовых ресурсов, таких как базы данных законодательства, консультации юристов и доступные онлайн-сервисы, поспособствуют более широкому распространению правовой информации и повысить юридическую грамотность граждан.

В свою очередь, нельзя пренебрегать тем, что каждая конкретная ситуация правовой деформации требует индивидуального анализа и подхода. Поскольку правовая деформация может привести к нарушению принципов справедливости, равенства перед законом, прав человека и др., что негативно сказывается на развитии правового государства и установлении законности. При этом исследование данной проблемы позволяет выявить механизмы и причины правовой деформации, а также разработать меры по ее предотвращению и преодолению. В том числе, изучение правовой деформации помогает развивать юридическую науку и совершенствовать правовую практику. Анализ случаев правовой деформации позволяет выявить недостатки в правовой системе, проблемы в работе судебных и правоохранительных органов, необходимость изменения законодательства и прочие аспекты, которые требуют улучшения.

Таким образом, исследование явления правовой деформации в юридической науке является актуальным и необходимым с точки зрения анализа и совершенствования правовой системы, обеспечения принципов справедливости и законности в рамках эффективного функционирования гражданского общества и его взаимодействия с органами власти.

Список источников

1. Нижник Н.С. Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2012. – С. 497-506.
2. Алексеев С.С. Теория права: Учебник. / С.С. Алексеев // М.: БЕК, 1995. – 311 с.
3. Чуйков Д. Понятие правосознания // История государства и права, 2007. – № 21. – С. 39-40.
4. Гранат Н.Л. Понятие, структура и общая характеристика правосознания // Общая теория права. Академический курс: в 3 т. – М., 2007. – т.3. – 441 с.
5. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Правовое поведение: норма и патология. / В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. // М., 1982. – 287 с.
6. Ковалёв С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права, 2009. – № 13. – С. 35-37.
7. Букина Е.Е. Философское осмысление форм правового отчуждения: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм // Философия, социология, право: традиции и перспективы. Томский государственный университет. Новосибирск, 2020. – С. 191-196.
8. Петров В.Р. Причины и формы деформации правосознания в современных условиях. Ученые записки / В.Р. Петров. – Чебоксары: МОУП, 1999. – Т.3. – 58 с.
9. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации. // Юридическая наука, 2016. – №1 – С. 41-48.
10. Гуменюк Е.В., Адельсеитова А.Б. Проблема деформации правосознания на современном этапе развития общества. // Проблемы современной науки и образования, 2017. – С. 1-3.
11. Марченко Д.Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания: моногр. / Д.Э. Марченко. – Самара: НТЦ, 2006. – 114 с.
12. Кордобовская К.Е. Правовой инфантилизм как проявление правового сознания // Правовая культура в современном обществе. Могилевский институт МВД, 2023. – С. 85-88.
13. Цалиев А.М. Вопросы правового воспитания, повышения правосознания и правовой культуры / А.М. Цалиев. – Владикавказ: Издат. – полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2020. – 296 с.
14. Баранов П.П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания : Избранное: в 2 т. / П.П. Баранов. – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2005. – Т.1. – 516 с.
15. Демидова И. А. Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2023. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/7074. – Дата обращения: 03.03.2023. – Загл. с экрана.
16. Сенин И.С. Деформации правосознания и пути их преодоления // Эпоха науки, 2017. – №12. – С. 87-90.
17. Троян (Фадеева) Н.А. Современный подход и перспективы развития правовой грамотности и правосознания граждан // Мониторинг правоприменения, 2017. – №3 (24). – С. 77-85.

УДК 34:03

К ВОПРОСУ ОБ УЖЕСТОЧЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Чепикова Виктория Анатольевнаассистент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк**Гуза Данил Александрович**

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: guzadaniil@gmail.com

***Аннотация.** В статье проводится анализ и дается оценка ужесточению уголовной ответственности в период вооруженных конфликтов как полиаспектному явлению; ключевым изменениям в уголовном законодательстве в области ужесточения наказаний в период проведения специальной военной операции. Автором выражена позиция относительно рассмотрения ужесточения уголовного наказания, а, равно как и в целом процесса криминализации, как закономерной реакции государства, направленной на сохранение и обеспечение стабилизации правопорядка и общественного порядка в условиях действия вооруженного конфликта. Резюмируется, что ужесточение уголовной ответственности в период вооруженных конфликтов – правовое явление характеризующееся многоаспектностью, а потому при реализации соответствующей государственной уголовной политики, в целях обеспечения баланса между справедливостью и необходимостью предотвращения преступлений, должно учитываться все многообразие действующих факторов, принципы права и международные нормы в сфере прав человека.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, вооруженный конфликт, Специальная военная операция.*

В условиях перестройки геополитической картины современного мира, сопровождающейся политической, экономической, социальной нестабильностью, локальными вооруженными конфликтами, актуальность тематики исследования не вызывает сомнения. Вооруженные конфликты как явление, характеризующееся крайней степенью опасности, приводят к негативным последствиям во всех социальных сферах жизнедеятельности общества на микро- и макроуровнях, что вызывает необходимость в выработке средств, направленных на обеспечение справедливости, защиту

права и свобод человека и предотвращение нарушения международного гуманитарного права. Одним из таких инструментов, по нашему мнению, является юридическая ответственность.

Проблематика исследования юридической ответственности как комплексного правового явления (в т.ч. уголовной политики, санкции и т.д.) стала предметом научного интереса таких ученых, как Р.Л. Хачатуров, Р.Г. Ягутян, А.В. Чепус, О.Э. Лейст, В.А. Ойгензихт, О.А. Красавчиков, С.Н. Братусь, И.Н. Гливинская, С.С. Тихонова, А.И. Петропавловский, Д.А. Липинский, А.Ю. Епихин и других.

Целью исследования является анализ и оценка ужесточения уголовной ответственности как многогранного явления в период вооруженных конфликтов.

Поскольку определяющим аспектом в представленном исследовании является вооруженный конфликт, как качественно особая ситуация (состояние общества), считаем необходимым обратиться к определениям понятия данного явления.

Так, по мнению В.В. Гафнера вооруженный конфликт – одна из форм разрешения противоречий (национально-этнических, религиозных и др.) с применением средств вооруженного насилия, при которой государство (государства) не переходит в особое состояние, называемое войной [1, с. 170].

Как отмечает Л.А. Гришин, к категории «вооруженный конфликт» в литературе и международной статистике относится «...любое вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства с использованием оружия и вооруженных формирований, в том числе и регулярной армии (внутренний вооруженный конфликт)...» [2].

В соответствии с п. д Военной Доктрины Российской Федерации от 05.02.2010 под вооруженным конфликтом понимается вооруженный инцидент, вооруженная акция и другие вооруженные столкновения

ограниченного масштаба, которые могут стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы [3].

Общий анализ представленных определений позволяет нам утверждать, что *вооруженный конфликт следует рассматривать как крайнее средство (до войны) разрешения противоречия с использованием оружия (вооружения), характеризующееся локальностью (ограниченностью территории) и вовлеченностью определенной части населения.*

Как явление социальное, вооруженный конфликт, (как уже было отмечено ранее) оказывает непосредственное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, в силу чего государство обязано разрабатывать и применять соответствующие меры реагирования. Одной из таких мер является уголовная политика государства, которая должна своевременно и эффективно реагировать на вызовы современности и потребности общества и государства, руководствуясь при этом принципами гуманизма, справедливости и демократизма.

Анализируя этапы изменения российского уголовного законодательства, А.Ю. Епихин проводит их сопоставление с современными процессами уголовной политики, в которых прослеживается общий курс государства на декриминализацию, гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства [4, с. 142].

В свете сказанного, вопрос об ужесточении наказаний за преступления в период вооруженных конфликтов вызывает острые дискуссии, как в научной среде, так и среди практических работников, что объясняется во многом длительностью государственного курса на «смягчение уголовного закона». Согласимся, что проблема не однозначна. Во-первых, потому, что ужесточение наказаний может привести к нарушению прав и свобод человека, вызванному ограничением доступности (из-за проведения военных действий) к справедливому судебному процессу. Во-вторых, ужесточение наказаний не всегда имеет следствием снижение уровня преступности, а в определенных

случаях может даже усугубить ситуацию. В силу чего предлагается сосредотачиваться не только на наказании, но и на предупреждении преступлений в период конфликта через более эффективные меры безопасности и реабилитации. В-третьих, в условиях военных действий преступления могут причинять особенно тяжкий вред (ущерб), и ужесточение наказаний может восприниматься как способ восстановления справедливости и предоставления компенсации пострадавшим, что само по себе идет в разрез с принципом гуманности и демократизма. В свою очередь, ужесточение санкций может подчеркнуть серьезность и моральную неприемлемость преступлений в контексте вооруженных конфликтов, утверждая нормы международного гуманитарного права.

Кроме того, мы считаем нельзя отрицать и того факта, что ужесточение уголовного наказания, а равно как и в целом процесс криминализации (признание уголовно наказуемым деяния с приданием ему общественной опасности под угрозой применения уголовного наказания [4, с. 142]) следует рассматривать как закономерную реакцию государства, направленную на сохранение и обеспечение стабилизации правопорядка и общественного порядка в условиях действия такого деструктивного социального явления как вооруженный конфликт, характеризующийся определенной степенью масштабности и вовлеченности населения. Так, в 2014 году внесением в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту УК РФ) ст. 280.1, предусматривающей уголовную ответственность за публичные призывы к нарушению территориальной целостности государства [5], вектор государственной уголовной политики был смещен в сторону криминализации законодательства. Кроме того в статью 63 УК РФ было внесено отягчающее обстоятельство — совершение преступления с целью оправдать или поддержать терроризм, с целью пропаганды терроризма [5].

Таким образом, вооруженный конфликт на Донбассе и вовлеченность в него России посредством проведения Специальной военной операции (СВО), послужили факторами для изменения векторной направленности российской

уголовной политики в сторону ужесточения наказаний. В частности, уголовное законодательство характеризуется наличием более строгих санкций за преступления против военной службы, государственной власти и т.д., чем до начала СВО. Именно в этих изменениях прослеживается влияние вооруженного конфликта на государство; реакция государства, объективированная в сфере правотворчества и реакция общества на все эти изменения. Кроме того, в этих изменениях прослеживается степень органичности связи «государство-общество», т.е. на сколько меры, принимаемые государством, адекватны ожиданиям общества на следствия вооруженного конфликта. Так, Верховный суд Донецкой Народной Республики приговорил командира отделения разведывательного батальона ВСУ Артура Пустовойта к двадцати годам колонии строгого режима за убийство и жестокое обращение с гражданским населением. Разведчик признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «ж», «л» части 2 статьи 105 УК РФ (убийство, совершенное организованной группой, по мотивам политической и идеологической ненависти) и частью 1 статьи 356 УК РФ (жестокое обращение с гражданским населением на оккупированной территории) [6], что в полной мере соответствует ожиданиям родственников потерпевших лиц, населению Республики в целом.

Дальнейшие изменения уголовной политики в условиях вооруженного конфликта на Донбассе связаны с одобрением в сентябре 2022 года Государственной Думой РФ поправки в УК РФ, ужесточившей наказания за действия, связанные с военной службой и совершенные в периоды мобилизации, военного положения и военного времени. Теперь при совершении преступлений по ряду статей «в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий» наказание строже [7].

Таким образом, ужесточение уголовной ответственности в период вооруженных конфликтов – правовое явление характеризующееся многоаспектностью, а потому при реализации соответствующей

государственной уголовной политики, в целях обеспечения баланса между справедливостью и необходимостью предотвращения преступлений, должно учитываться все многообразие действующих факторов, принципы права и международные нормы в сфере прав человека.

Список источников

1. Гафнер В.В. Опасности социального характера и защита от них : учеб. пособие / В.В. Гафнер, С.В. Петров, Л.И. Забара. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 320 с.
2. Гришин Л.А. Вооруженные конфликты и войны XXI века // Социально-гуманитарные знания 2011 № 5 [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vooruzhennyye-konflikty-i-voyny-xxi-veka>. – Дата обращения: 16.01.2024. – Загл. с экрана.
3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. указом Президента Российской Федерации от 05.02.2010 г. № 146) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
4. Епихин А.Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Экономика и право. – 2012. – Вып. 3. – С. 140-145.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
6. Новосильцев А. Украинский разведчик получил 20 лет колонии за убийство прохожего в Мариуполе / А. Новосильцев. [Электронный ресурс] // РАПСИ [сайт]. – 2023. – 3 нояб. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20231103/309358081.html. – Дата обращения: 15.01.2024. – Загл. с экрана.
7. Антонов А. Адвокат по уголовным делам: об ужесточении наказания за отдельные виды преступлений [Электронный ресурс] // Антонов и Партнеры – Режим доступа: <https://pravo163.ru/advokat-po-ugolovnym-delam-ob-uzhestochenii-nakazaniya-za-otdelnye-vidy-prestuplenij/>. – Дата обращения: 16.01.2024. – Загл. с экрана.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЯХ КАК РЕГУЛЯТОРАХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Шкиндер Василий Тимофеевич

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Литашова Даяна Владимировна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: dayana120503@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых презумпций как регуляторов правоотношений. На основе научных исследований, законодательства и анализа судебных актов был сделан вывод о том, что правовая презумпция выполняет регулятивно-защитную функцию и гарантирует равенство участников правоотношений.

Ключевые слова: правовые презумпции, нормы права, правоотношения, субъекты правоотношений.

Постановка проблемы. Презумпция является важнейшим средством правового регулирования, к исследованию которого обращались многие ученые. На протяжении всего периода исследования данной правовой конструкции взгляды на ее понимание часто менялись. В настоящее время в юридической науке никем не отрицается значимость презумпций, рассматриваемых не только как юридическая конструкция, активно используемая в правоприменительной практике, но и как юридическое средство урегулирования общественных отношений.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Презумпциям посвящены общетеоретические и отраслевые исследования многих отечественных ученых, в частности, Г.Ф. Дормидонтова, Д.И. Мейера, С.А. Муромцева, В.К. Бабаева, М.Л. Давыдовой, М.П. Прониной, Л.Р. Саркисян (теория права); Я.Л. Штутина, Ю.А. Серикова (гражданско-процессуальное право); В.А. Ойгензихта, О.А. Кузнецовой, (гражданское право); С.А. Мосина, И.В. Сухининой (конституционное право); Д.М. Щекина, А.В. Демина (налоговое право), В.Ю. Чуфарова, С.Ю. Головиной (трудовое право);

В.И. Каминской, А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского (уголовно-процессуальное право); Ю.Г. Зуева, К.К. Панько, В.В. Тарасенко (уголовное право) и других. В какой-то степени касались презумпций в своих работах и зарубежные исследователи: например, Г.Ф. Пухта, Р. Иеринг, Г. Файхингер, П.Фориес, Л. Фуллер и другие.

Целью исследования является определение значения правовых презумпций как регуляторов правовых отношений.

Основные результаты исследования. По мнению ряда авторов (например, Х.А. Каландаришвили) «истинным источником презумпции является практическая деятельность определенной общности людей, исторический путь которых сложился таким образом, что в итоге было сформулировано используемое в доказывании юридически значимое предположение» [4, с. 11].

В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона презумпции определяются как «положения, устанавливающие наличие фактов или событий без полного доказательства их существования», необходимые «там, где, как например, в гражданском процессе, при известных обстоятельствах нет возможности достигнуть полного доказательства явлений, а приходится довольствоваться лишь вероятными заключениями» [1, с. 52].

В свою очередь М. П. Пронина полагает, что «правовая презумпция – это закреплённое в правовой норме вероятностное опровержимое предположение о существовании юридического факта, основанное на статически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым» [7, с. 7].

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие в отечественном законодательстве нормативного закрепления дефиниции презумпции (что, по нашему мнению, является значительной юридико-технической недоработкой), презумпции закреплены прямо или косвенно в правовых нормах, тем самым

«восполняя законодательную потребность в правовом регулировании» [9, с. 36].

Норма права имеет смысл только тогда, когда у индивида есть выбор в направленности своего поведения (деяния): следовать ему норме или нет, поскольку «в качестве нормы всегда устанавливается такое правило, которое объективно допускает возможность, как нарушения, так и исполнения» [2, с. 78]. Особенностью правовой презумпции является то, что предпосылка, с которой правовая норма связывает наступление правового результата, является как доказуемой, так и опровержимой. Например, «пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом» [6]. При этом разрешение дела зависит от конкретных субъектов правоотношений и определённых фактических обстоятельств: «правовая презумпция учитывает реальные связи и зависимости и потому правильно отражает подавляющее большинство ситуаций, на которые рассчитана» [4, с. 11].

Данная юридическая конструкция содержится во многих нормативных правовых актах и активно используется правоприменителями в юридической практике. В теории права презумпция понимается как предположение, основанное на вероятности. Будучи универсальной категорией, данная конструкция используется в различных областях человеческого знания, выступая неким логическим приемом познания действительности. Вместе с тем в юриспруденции распространён подход видения презумпции как юридического средства урегулирования общественных отношений. Например, все субъекты закона считаются невиновными до тех пор, пока не будет вынесено судебное решение. Соответственно, пока не будет доказана и подтверждена судом вина, подсудимый имеет равные состязательные возможности и гарантию справедливого судебного разбирательства [10, ст. 14].

В теории права широко распространён подход к пониманию правоотношений как «общественных отношений, урегулированных нормами

права» [3, с. 310]. Таким образом, связь между понятиями «правовые нормы» и «правоотношения» очевидна, но что из них вторично? Поскольку ответить на этот вопрос не представляется возможным в силу отсутствия в юридической науке единого мнения по данному вопросу, мы будем придерживаться точки зрения, что правоотношения первичны. В силу сказанного, изначально существовали взаимодействия между людьми, которые и являлись отношениями, подлежащими правовому урегулированию. Впоследствии и правовые принципы и нормы, обусловленные этими общественными отношениями, получили различное закрепление. Регулятивная функция правовых презумпций сводится к упорядочиванию общественных отношений и к оказанию эффективного воздействия на поведение субъектов правоотношений. К примеру, доказательственные презумпции распределяют обязанность по доказыванию между участниками правоотношений для облегчения доказывания [8, с. 18].

Априорно регулирование общественных отношений направлено на защиту высших человеческих ценностей субъектов правоотношений (личности, ее прав и свобод) и законных интересов. Такая защита достигается путем признания прав и законных интересов, их реализации, обеспечения и защиты государством. Правовые презумпции, являясь предположениями, в силу которых суд делает вывод о существовании определенного факта на основании других, уже доказанных фактов, позволяют не доказывать презюмируемый факт, освобождая участников юридического процесса от доказывания. На примере презумпции отцовства, можно сказать, что отец несёт ответственность за воспитание и содержание законнорожденного ребёнка, реализацию его прав и правовых интересов (если факт отцовства не опровергнут), тем самым выполняется охранительная функция в праве. Так, отцом ребёнка, родившегося в браке либо в течение трёхсот дней с момента расторжения брака, признаётся супруг матери ребёнка [5].

Состояние взаимозависимости субъектов права; изменение содержания, структуры и качества правоотношений, а также появление новых – эти и иные

факторы, обусловленные динамичностью общества и социальных связей, ставят перед юридической наукой и практикой задачу своевременного реагирования на все изменения. Правовые презумпции формулируются на основе анализа и обобщения правоотношений в самых разных сферах правового регулирования и представляют собой предположения нормы права о наличии или отсутствии определенных юридических фактов.

Выводы. Таким образом, можно утверждать, что правовая презумпция, способствуя повышению эффективности познавательной деятельности в процессе доказывания и установлению истины по делу, не ограничивает этим сферу своего применения. Правовые презумпции являются особым, отличным средством регулирования правоотношений, гарантируя равенство их участников.

Список источников

1. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: В 86 т./ Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1898. – Т. XXV. – 492 с.
2. Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 76–116.
3. Власенко Н.А. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. Н.А. Власенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 544 с.
4. Каландаришвили Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.В. Смольковой. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 160 с.
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) // Российская Газета. – 2017. – № 110.
6. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Российская Газета. – 2019. – № 96.
7. Пронина М.П. Презумпции в современном российском праве: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Пронина Мария Петровна; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2010. – 194 с.
8. Рогалева М.А. «Расследование» дел искового производства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 11. – С. 17–21.
9. Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 232 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.

УДК 342.5

**ОРГАНЫ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ****Шкиндер Василий Тимофеевич**

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

Микаилов Полад Рафанович

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

E-mail: mikailovpolad2020@gmail.com

***Аннотация.** В статье представлен анализ генезиса военной прокуратуры в структуре органов прокуратуры Российской Федерации с выделением этапов. Проведен анализ нормативных положений и дана общая характеристика института (структуры органов военной прокуратуры, основных направлений ее деятельности). Автор пришел к выводу, что органы военной прокуратуры играют важную роль в поддержании военной дисциплины, защите прав и интересов военнослужащих на современном этапе государствовоенного генезиса.*

***Ключевые слова:** прокуратура, военная прокуратура, генезис органов военной прокуратуры*

Прокуратура является особым иерархичным и централизованным правоохранительным органом, обладающим рядом уникальных особенностей, задач, функций, признаков и принципов. Особенности структурной организации органов прокуратуры Российской Федерации (далее по тексту – РФ) способствуют максимально эффективному выполнению прокуратурой поставленных перед ней задач, что помогает оставаться одним из важнейших органов государственной власти и занимать особое положение в этой системе [1, с. 102].

Одним из важнейших структурных подразделений прокуратуры РФ является военная прокуратура, значение и особая роль которой возрастает в связи с усилением внешней угрозы объединенного Запада; внутренней угрозы, обусловленной распространением идеологии неонацизма, терроризма и экстремизма и активному их противостоянию со стороны России (в частности, путем проведения специальной военной операции). Сказанное, считаем, в

полной мере обосновывает своевременность и актуальность представленного исследования.

Генезис органов прокуратуры в целом и военной прокуратуры в частности являлись предметом научного интереса таких ученых, как А.С. Крехова, Н.С. Диденко, В.Б. Ястребова, А.В. Еремина, Н.И. Трофимова и других.

Целью данного исследования является анализ становления и развития органов военной прокуратуры Российской Федерации.

Ретроспективное исследование развития органов военной прокуратуры, по нашему мнению, имеет значение для понимания причинно-следственных связей в процессе развития и функционирования государственного надзорного органа в области защиты прав и свобод граждан РФ, в особенности специального субъекта правоотношений – военнослужащих, на современном этапе государствогенеза.

История становления и развития военной прокуратуры как основного конституционного института делится на несколько этапов, первый из которых относится к эпохе Петра I и связан с началом формирования регулярной армии. Началом в развитии органов прокуратуры в целом, и военной прокуратуры в частности, является именной Указ Императора от 12 января 1722 года «О должности Генерал-прокурора», в соответствии с которым учреждаются прокурорские должности (генерал-прокурора, обер-прокурора при Сенате и прокуроров «во всякой коллегии», в т.ч. и при Военной и Адмиралтейств-коллегиях); определяется круг их полномочий (осуществление надзора за возбуждением и решением судебных дел; контроль за исполнением Сенатом норм закона и указов Императора).

В 1767 г. впервые в России был провозглашен принцип государственного преследования преступлений, которое непосредственно осуществлялось прокуратурой.

В период правления Александра I (1801 – 1825 гг.) должность генерал-прокурора и министра юстиции были объединены, с одновременным

ограничением полномочий генерал-прокурора: основной задачей становится надзор за судебной деятельностью Сената и надзор за прокурорами губерний.

Рассматривать процесс формирования собственно военной прокуратуры следует в тесной взаимосвязи с судебной реформой 1864 года. Так, в 1867 году была учреждена должность главного военного прокурора, возглавлявшего Главное военно-судное управление, в обязанности которого входил контроль за соблюдением законов во всех воинских частях и на флоте. Система органов военной юстиции, как независимой от общих органов юстиции и функционирующей, как в мирное, так и в военное время, была закреплена положениями Военно-судебного устава от 15 мая 1867 г.

Военные прокуроры были включены в состав военных судов, а главный военный прокурор руководил деятельностью прокурорского надзора в военно-судебном ведомстве. В тот период наблюдается изменение приоритетности в осуществляемых прокуратурой функциях: функция уголовного преследования становится приоритетной относительно прокурорского надзора (по мнению А.С. Крехова, отечественная практика пошла по примеру западноевропейских прокуратур) [2, с. 150-152].

Следующий этап в развитии военной прокуратуры, условно можно обозначить, как советский, условно выделив три подэтапа: довоенный, военный и послевоенный. Довоенный этап берет начало с издания Декрета СНК РСФСР «О суде» № 1 от 22.11(5.12).1917, в соответствии с которым прокурорский надзор в России был упразднён, одновременно была ликвидирована и военная прокуратура. Однако, уже 28.05.1922 г. Постановлением ВЦИК РСФСР и Положением «О прокурорском надзоре «в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью» в составе Народного комиссариата юстиции была учреждена Государственная прокуратура, а военная прокуратура стала её структурным подразделением. С января 1924 военная прокуратура передана на бюджет военного ведомства, а военные прокуроры причислены к военнослужащим, но при этом независимость их от

военного командования была сохранена [10]. Отметим, что это положение было закреплено в процессе создания единой централизованной прокурорской системы в более поздний советский период.

В дальнейшем (т.н. военный подэтап), в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. производство по уголовным делам осуществлялось в соответствии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» по правилам, устанавливаемым Положением о военных трибуналах в районах военных действий.

Послевоенный этап в развитии военной прокуратуры (впрочем, как и в целом прокуратуры) отмечается совершенствованием системы органов прокуратуры, уточнением и расширением задач и определением ее места и ключевой роли в системе органов государственной власти. Принятие союзного Закона «О прокуратуре СССР» 1979 г. в целом повлияло на изменения в правовых основах деятельности органов военной прокуратуры. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1981 г. № 5403-Х было утверждено новое Положение о военной прокуратуре, в котором сочетались как нормы предыдущего законодательства, так и усовершенствованное с учетом накопленного опыта регулирование деятельности органов военной юстиции [4, с. 181-182].

Заключительный этап в истории развития военной прокуратуры связан с распадом СССР в 1991 году – постсоветский этап. Новая эпоха в становлении и развитии России была ознаменована не только сложной социально-экономической ситуацией, политическими проблемами и конституционным кризисом, но и множественностью локальных вооруженных конфликтов, как на территории самой России (Первая и Вторая чеченские войны, дагестанские события 1999 года и т.д.); так и на ее рубежах с государствами Средней Азии, Европейской части бывшего СССР, Северного Кавказа и Закавказья. Указанные общественно-политические условия, назревавшие в 70-е – 80-е гг., закономерно обусловили принятие и дальнейшее совершенствование федерального закона «О прокуратуре» № 2202-1 от 17.01.1992 (далее по

тексту – закон «О прокуратуре»), раздел IV которого посвящен особенностям организации и обеспечения деятельности органов военной прокуратуры [5].

На данный момент, военная прокуратура – это специализированный орган прокуратуры, осуществляющий в пределах установленных полномочий и с применением межтерриториального подхода определенные для Прокуратуры РФ функции, а также иные аспекты деятельности в области военного управления и формирования [6, с. 23-24].

Система органов военной прокуратуры, закрепленная ст. 46 федерального закона «О прокуратуре», по справедливому мнению В.Б. Ястребова, условно может быть разделена на три звена: высшее, среднее и низшее [7, с. 138]. Анализ положений ст. 46 закона «О прокуратуре», с учетом мнения В.Б. Ястребова, позволяет нам представить данную систему схематично.

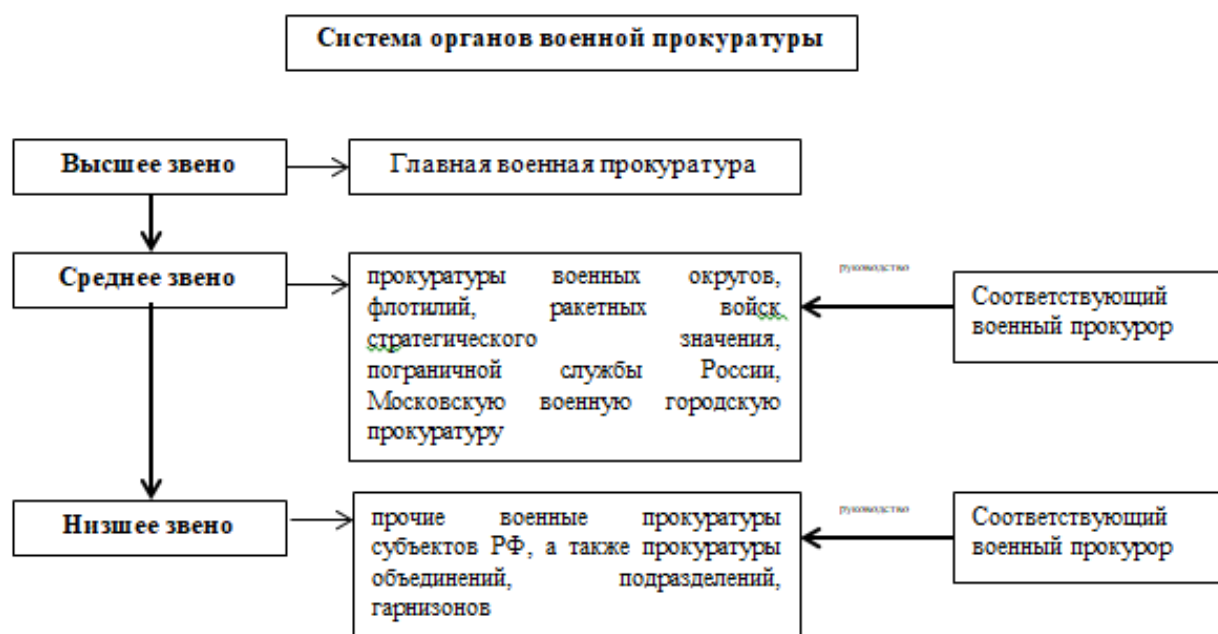

Схема «Система органов прокуратуры Российской Федерации (в соответствии со ст. 46 федерального закона «О прокуратуре» № 2202-1 от 17.01.1992, в ред. от 25.12.2023)»

Деятельность военной прокуратуры регламентируется положениями Конституции РФ и федеральных законов «О прокуратуре» (№ 2202-1 от 17.01.1992), «О статусе военнослужащих» (№ 76-ФЗ от 27.05.1998), «О воинской обязанности и военной службе» (№ 53-ФЗ от 28.03.1998), воинскими

уставами Вооруженных Сил Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ), приказами Генерального прокурора РФ, Главного военного прокурора и Начальника Генерального штаба ВС РФ.

Создание, изменение и упразднение военных прокуратур, а также установление их структур и числа сотрудников, статуса, обязанностей в соответствии со ст.17 федерального закона «О прокуратуре» входит в компетенцию Генерального прокурора РФ [5]. Его распоряжения по данным вопросам осуществляются в соответствии с директивами Генерального штаба ВС РФ, Главнокомандующих Федеральной пограничной службы и прочих формирований. Прочие организационные и кадровые вопросы решаются Главным военным прокурором во взаимодействии с Генеральным штабом ВС РФ. Руководство военной прокуратурой осуществляет заместитель Генерального прокурора России – главный военный прокурор, в компетенцию которого входит: управление деятельностью военной прокуратуры, подбор, распределение и обучение персонала, проведение аттестации военных прокуроров и следователей, издание приказов и директив, имеющих императивный характер для всех военных прокуратур.

В районах, где остальные органы прокуратуры РФ не имеют полномочий, а также за пределами государства, где находятся воинские подразделения РФ в соответствии с международными договорами, Генеральный прокурор РФ может поручить выполнение функций прокуратуры органам военной прокуратуры. В военной прокуратуре, имеющей статус, аналогичный прокуратуре города или района, по решению Главного военного прокурора могут быть созданы прокурорские участки.

Деятельность Главной военной прокуратуры, являющейся частью Генеральной прокуратуры РФ и имеющей статус структурного подразделения, регулируется Регламентом Генеральной прокуратуры и разработанным на его основе регламентом Главной военной прокуратуры; возглавляется Главным военным прокурором, у которого есть первый заместитель, заместители,

старшие помощники и помощники по специальным поручениям. Структура Главной военной прокуратуры включает управления, отделы, канцелярии.

Положение о подразделениях Главной военной прокуратуры утверждает Главный военный прокурор; структура и штат военных прокуратур определяются Генеральным прокурором РФ. В Главной военной прокуратуре действует коллегия, в которую входят: Главный военный прокурор (председатель), его первый заместитель и заместители (по должности), а также другие работники, назначаемые Главным военным прокурором [8, с. 312-314].

В качестве основных и специальных направлений деятельности органов военной прокуратуры РФ можно назвать следующие:

- обеспечение законности в сфере военной деятельности: военная прокуратура контролирует соблюдение законодательства обороны и ВС РФ, предотвращает нарушения правил и норм военной службы, проводит расследование преступлений, связанных с военной деятельностью;

- прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод военнослужащих: военная прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод военнослужащих, защищает интересы военного персонала, проверяет условия содержания и обеспечения военнослужащих, предотвращает незаконное и жестокое обращение с ними;

- борьба с коррупцией: военная прокуратура активно пресекает проявления коррупции в военной сфере, расследует правонарушения, связанными с военными должностными лицами, замешанных в коррупционных преступлениях. Это включает в себя контроль за закупками и снабжением военной техники, борьбу с подкупом, взяточничеством и иными формами коррупционной деятельности.

- участие в противодействии терроризму и экстремизму: военная прокуратура принимает активное участие в противодействии терроризму и экстремизму на военных объектах, контролирует обеспечение безопасности, расследует преступления, связанные с террористической деятельностью, и предотвращает угрозы для национальной безопасности.

– международное сотрудничество: военная прокуратура РФ сотрудничает с аналогичными органами других государств в рамках международной правовой помощи и обмена информацией о преступлениях, связанных с военной деятельностью. Ведется сотрудничество с международными организациями в борьбе против трансграничного преступления и терроризма [5].

Все эти направления деятельности органов военной прокуратуры имеют цель обеспечить безопасность, законность и качественное функционирование ВС РФ, а также защитить права и свободы военнослужащих [9, с. 161-163].

При осуществлении данных видов деятельности прокуратура руководствуется особыми принципами, закрепленными в ст.4 федерального закона «О прокуратуре» [5], путем указания их содержания (не называя сам принцип). Следует отметить, что в юридической литературе встречаются точки зрения, как на выделяемые принципы деятельности органов прокуратуры, так и на их (принципов) содержательный момент, в частности:

– централизованность – данный принцип подразумевает под собой структурированную иерархию подчиненности и позволяет выполнять свою деятельность сплоченно и согласованно;

– единство – означает, что система органов военной прокуратуры (в т.ч. должностных лиц органов военной прокуратуры) обладают едиными задачами и целями, единой формой организации;

– законность – реализация принципа законности обеспечивает соответствие деятельности, организации и системы военной прокуратуры нормам Конституции и иным нормативным правовым актам, которыми руководствуется данный орган;

– независимость – значит то, что военная прокуратура самостоятельно и независимо от иных органов реализовывает свои полномочия в соответствии с законодательством, т.е. фактически осуществляют свою деятельность на основе воли и внутренних убеждений;

– гласность – данный принцип указывает на то, что деятельность военной прокуратуры открыта для общества в той мере, в которой она не будет нарушать законным прав, свобод и интересов граждан и государства (государственная, частная тайна) [10, с. 247-254].

Работники военной прокуратуры имеют статус военнослужащих (являются офицерами) и проходят службу в ВС РФ, других войсковых формированиях и органах, в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» (№ 53-ФЗ от 28.03.1998); обладают правами и социальными льготами, установленными федеральными законами «О статусе военнослужащих» (№ 76-ФЗ от 27.05.1998) и «О прокуратуре».

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность органов военной прокуратуры отражает значимые исторические и институциональные государственные преобразования, начиная от ранних и до современных реформ и разработок в области правоохранительной деятельности. Генезис органов военной прокуратуры, условно разделенный на три этапа (императорский, советский и постсоветский), берет свое начало в XVII веке с учреждения института военных фискалов, приобретя статус специализированного подразделения в XVIII веке. В течение XIX века военная прокуратура активно развивалась и укрепляла свои позиции. В XX веке, начиная от полного отрицания самого существования прокуратуры как таковой, военная прокуратура стала частью системы органов прокуратуры. Современная военная прокуратура России ведет свою историю с 1992 года.

На данный момент, военная прокуратура – это специализированный орган прокуратуры, осуществляющий в пределах установленных полномочий и с применением межтерриториального подхода определенные для Прокуратуры РФ функции, а также иные аспекты деятельности в области военного управления и формирования, реализуя такие направления деятельности, как обеспечение законности в сфере военной деятельности, борьба с коррупцией, участие в противодействии терроризму и экстремизму,

международное сотрудничество, прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод военнослужащих.

Органы военной прокуратуры играют важную роль в поддержании военной дисциплины, защите прав и интересов военнослужащих и повышении оперативности и эффективности судебного процесса в отношении военных преступлений.

Список источников:

15. Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства: материалы IV Международной научно-практической конференции, 15 апреля 2021 г., Макеевка: в 7 т. / ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия». – Макеевка: ДОНАГРА, 2021. – Т. V. – 193 с.
16. Крехов, А. С. История зарождения и развития органов военной прокуратуры / А.С. Крехов // Вестник науки. – 2020. – Т. 1, № 12(33). – С. 150-154.
17. Диденко, Н. С. История зарождения и развития органов военной прокуратуры / Н. С. Диденко, М. В. Петрова // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов X международной научно-практической конференции, Пермь, 05–07 апреля 2023 года. Том 2. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 180-182.
18. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон № 2202-1 от 17.01.1992 (ред. по сост. на 25.12.2023) [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/. – Дата обращения: 16.01.2024. – Загл. с экрана.
19. Прокурорский надзор: учебник для бакалавров / под общ. ред. А.Ю. Винокурова. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 418 с.
20. Ястребов, В.Б. Прокурорский надзор: Учебник для юридических вузов и факультетов. / отв. ред. В.Б. Ястребов – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – 432 с.
21. Лонь, С.Л. Правоохранительные органы: учебник. / отв. ред. С.Л. Лонь. – 5-е изд., испр. и доп. – Томск: Изд-во НТЛ, 2021. – 640 с.
22. Воронин, О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части: Учебное пособие. / отв. ред. О.В. Воронин – Томск: Изд-во НТЛ, 2007. – 192 с.
23. Правоохранительные органы: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С.Л. Лонь. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 552 с.
24. Большая российская энциклопедия. 2004-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru>. – Дата обращения: 16.01.2024. – Загл. с экрана.